В. Н. Соловьевъ.

Въ Стамбулъ и Элладу.

Казань.
Типографія В. М. Ключникова.
1899.

В. Н. Соловьевъ.

Въ Стамбулъ и Элладу.

Казань.
Типографія В. М. Ключникова.
1899.

Дозволено цензурой Казань. 2 іюля, 1899 г.

ВЪ СТАМБУЛЪ И ЭЛЛАДУ.

I. Черезъ Крымъ.

Я не знаю, почему у насъ такъ мало путешествуютъ. Конечно, не всякій и не всегда имѣетъ средства на это; но, съ другой стороны, несомнѣнно, что очень многіе, едва ли не большинство изъ тѣхъ, кто обладаетъ нужными средствами, все же сидятъ дома. Посмотрите на англичанъ: я думаю, трудно найти у нихъ человѣка мало-мальски состоятельнаго, который хоть разъ въ жизни не переѣзжалъ бы на континентъ. И не говорите, что по нашимъ русскимъ разстояніямъ уже одна поѣздка до границы является цѣлымъ путешествіемъ: именно наши-то русскія разстоянія и должны были воспитать смѣлость относительно вся-

кихъ разстояній вообще. А съ тѣхъ поръ, какъ введенъ дифференціальный тарифъ, стоимость проѣзда п русскимъ желѣзнымъ дорогамъ доведена до крайней дешевизны.

Когда я еще зимою задумывалъ весеннюю поѣздку въ Крымъ, мнѣ совершенно случайно попалось на глаза росписаніе севастопольско - константинопольской линіи Русскаго пароходства. Всего двадцать восемь часовъ пути до Стамбула! Если бы, наприм., Константинополь находился на мѣстѣ Нижняго-Новгорода или Самары, конечно былъ бы грѣхъ просвѣщенному казанцу не побывать въ этомъ второмъ „вѣчномъ" городѣ. Ну, а я буду въ Крыму, именно въ такомъ же отъ него разстояніи; неужели я упущу этотъ случай?

Я сообщилъ свои соображенія одному пріятелю изъ довольно легкихъ на подъемъ. Но онъ оказался еще гораздо легче, чѣмъ я ожидалъ. Онъ продолжилъ мое разсужденіе.

—Если ужъ выбрался,—говорилъ онъ, —то надо этимъ пользоваться. Отъ Константинополя всего два дня пути до Аѳинъ. Южное море, мраморы, Акрополь! А тамъ только два дня до Александ-

рія. Каиръ, пирамиды, пустыня! А тамъ почти по дорогѣ Палестина. Ѣдемъ.

Если такъ разсуждать, то можно добраться и до Индіи, и до Мадагаскара, и до истоковъ Нила. Я запротестовалъ противъ дальнѣйшихъ мечтаній. Но мысль увидѣть Грецію и Египетъ уже плотно засѣла у меня въ головѣ. А демонъ искуситель десятки разъ развертывалъ передо мною соблазнительныя картины. Наконецъ, чтобы доконать меня, онъ преподнесъ мнѣ книжечку сонетовъ Эредіа, такъ прекрасно переведенныхъ Вл. Жуковскимъ. Тутъ я ужъ не выдержалъ. Судите сами:

Полдневный воздухъ жгучъ. Лазурью утомленный,—
Въ истомѣ старый Нилъ. Лѣнивъ свинцовый валъ...
Съ зенита знойнаго отвѣсно день упалъ...
Неумолимый Ра покрылъ Египетъ сонный.
Тяжелыхъ вѣкъ своихъ всю жизнь не опуская,
Чудовища въ пески на чрево прилегли
И смотрятъ странныя, какъ рвется отъ земли
Гранитная игла, сіяньемъ залитая.
Все тихо... Коршуны кружатся вдалекѣ
На бѣлыхъ небесахъ какимъ-то роемъ темнымъ..
И звѣрь, и человѣкъ—все спитъ въ огнѣ огромномъ...

Дрожитъ, пылаетъ зной на дремлющемъ
пескѣ...
И мѣдный Анубисъ, въ горячемъ блескѣ
стоя,
Залаялъ про себя на солнце золотое.

Чертъ возьми, въ самомъ дѣлѣ! Почему и не поѣхать, если такъ хорошо? Когда еще удастся выбраться въ другой разъ!

И вотъ я въ Крыму—отдыхаю, въ ожиданіи дальнѣйшаго путешествія, и любуюсь крымской весной. Пока, въ началѣ мая, здѣсь все еще свѣжо, зелено; трава не успѣла выгорѣть и красуется свѣжая и густая; цвѣтутъ розы; тепло, иногда жарко, но не слишкомъ. Самое лучшее время для того, чтобы съ пріятностью для себя ничего не дѣлать.

Кромѣ этого впечатлѣнія безмятежнаго отдыха среди безмятежной природы, мнѣ вспоминается еще только одно: лунная ночь, одна изъ послѣднихъ передъ отъѣздомъ. Дивная ночь, волшебная ночь! Что есть въ этой лунѣ, что она такимъ прекраснымъ дѣлаетъ все вокругъ. Не потому ли мы такъ любимъ ее, что она воплощеніе сладкой лжи, прекрасной неправды. Тѣсныя

улицы города, непригляднные углы она умѣетъ дѣлать красивыми, одѣвая ихъ фантастическими сочетаніями мерцанія и бездонной тѣни; голые камни она превращаетъ въ полный нездѣшней красоты призрачный міръ; предметы растутъ, дали перестаютъ ощущаться, формы мѣшаются. Лунный свѣтъ,—это сказка, фантасмагорія. Что же дѣлаетъ онъ здѣсь, гдѣ такъ прекрасно днемъ.

Луна безумно ярка и дѣвственно холодно сіяетъ на темномъ, точно бархатномъ н.бѣ. Въ разныхъ мѣстахъ свода выглядываютъ нѣсколько звѣздъ. Ихъ немного,—всего двѣ три имѣютъ свѣта столько, чтобы спорить съ царицей ночи... Тихо. Только и звуковъ, что ритмическій и похожій на мягкій звукъ флейты крикъ какой-то ночной птицы. Воздухъ не шелохнется. Даже съ моря не доносится его вѣчнаго плеска, а оно, какъ всегда, тамъ, внизу. Далеко оно или близко, теперь не различишь. Оно блѣдно мерцаетъ въ пространствѣ, точно это не море, а какое-то подобіе моря, сотканное изъ дали и луннаго свѣта; только мѣстами на немъ искрятся пятна мелкой ряби, и тогда кажется, что они плаваютъ по

поверхности.

Теплый воздухъ напоенъ приторнымъ ароматомъ бѣлой акаціи, полонъ дымкой серебристо-прозрачнаго луннаго сіянія. Деревья молчаливо стоятъ темными купами и разстилаются внизу, подъ ногами, образуя неясную, зловѣщеизрытую поверхность, у которой рѣзко освѣщены выступающія части; таковы должны быть пейзажи на лунѣ. Черные кипарисы звучатъ грустнымъ аккордомъ въ призрачной мелодіи ночи. Дальній Аю-Дагъ серебрится мглою и кажется еще дальше, а маленькій и скромный Кастель выросъ до грозныхъ размѣровъ большой горы. Цѣпь Яйлы заканчивается кверху чѣмъ-то бѣлымъ —луна увѣнчала ее на сегодняшнюю ночь снѣговыми вершинами. Я знаю, что это только облака, знаю,—но, несмотря на то, чувствую ясно, что это зубцы снѣговыхъ вершинъ. О, какъ лжетъ луна, какъ дивно она лжетъ! Неужели въ эту безумно прекрасную, въ эту благоуханную, въ эту призрачную ночь спятъ люди?

Удивительное настроеніе охватываетъ душу. Что-то торжественно радостное и ясное поднимается въ ней и

звучитъ все громче и громче, и, въ то же время, что-то щемитъ сердце сладкой болью и грустью. И оба ощущенія непостижимо сливаются въ одно странное, какъ непонятно слиты въ самой ночи поразительная ясность съ печальной туманностью. Это одна изъ тѣхъ ночей, когда душа жаждетъ въ одно и то же время и любить и умереть. Быть можетъ, то же чувствуетъ въ эту ночь и сама природа. По крайней мѣрѣ, она мечтаетъ; вѣдь и самая эта ночь—только прекрасная мечта природы.

———

II. Севастополь.

Въ Севастополь мы пріѣхали усталые и запыленные и поскорѣе добрались до постели. А на утро насъ ждало разочарованіе въ видѣ телеграммы Россійскаго Телеграфнаго Агентства: въ Александріи чума. Давно извѣстно, что нѣтъ въ мірѣ удовольствія, которое не было бы чѣмъ нибудь слегка подгажено; не бываетъ, такъ сказать, бочки меду, гдѣ не нашлось бы своей ложки дегтю; такъ ужъ самой судьбой устроено, и напрасно бы стали вольтеріанцы противъ этого спорить. И, какъ ни вытянулись у насъ физіономіи, мы, памятуя эту истину, вѣроятно примирились бы съ перспективою лѣзть на пирамиды, любоваться пальмами и плавать по Нилу подъ угрозою внезапно „очумѣть"; не такъ вѣдь чертъ страшенъ, какъ онъ малюется. Но вотъ бѣда: карантины. Сидѣть въ каранти-

ѣ — вообще плохое удовольствіе, а людямъ, которыхъ дома ждетъ работа по горло, и еще тошнѣе. Мой спутникъ разфантазировался на эту прискорбную тему.

— Богъ ихъ знаетъ, какіе они, эти карантины! говорилъ онъ. — Ежели дней по сорокъ, да въ Пиреѣ, да еще въ Константинополѣ, да опять въ Россіи, такъ вѣдь это чуть не полгода.

И онъ въ отчаяніи усомнился: не бросить ли все дѣло и не вернуться ли вспять.

— Ты подумай: вѣдь Пирей-то всего въ двухъ дняхъ отъ чумы!

Однако, размысливъ здраво, рѣшили ѣхать, только при этомъ ограничиться Константинополемъ и Аѳинами. Ау, Нилъ и мѣдный Анубисъ! А между тѣмъ для вѣрности сожгли свои корабли — отдали визировать паспорты и взяли билеты.

Въ Севастополѣ, собственно говоря, ни мнѣ, ни моему товарищу дѣлать было нечего. Въ городѣ не такъ ужъ много интереснаго, а мы оба его знаемъ. Сборы и какія надо покупки (между прочимъ, какія-то средства отъ угрожающей въ недалекомъ будущемъ

морской болѣзни) потребовали очень немного времени. Чтобы какъ-нибудь убить день, пошли фланировать по городу.

Со времени прошлой осени, когда я былъ въ Севастополѣ, я нашелъ въ немъ одну новинку. Я говорю о памятникѣ Нахимову. Онъ поставленъ на площади противъ Графской пристани и смотритъ на пристань и рейдъ. Интересно сравнить его съ памятникомъ Корнилову на Малаховомъ курганѣ. Тотъ очень недуренъ, но тамъ художникъ достигаетъ эффекта, воспользовавшись болѣе богатыми средствами. Корниловъ изображенъ раненымъ, упавшимъ на полѣ битвы, и, для большей силы впечатлѣнія, тутъ же начертана его предсмертная заповѣдь: „отстаивайте Севастополь“; характерная фигура матроса у подножія затѣйливаго пьедестала хорошо дополняетъ памятникъ, но, въ то же время, придаетъ ему и характеръ эффектности, декоративности. А здѣсь все просто. Сутулая фигура Нахимова, хорошо извѣстная каждому по портретамъ, стоитъ ничѣмъ не прикрашенная; она такая же скромная и простая, какъ была въ самой

дѣйствительности; но посмотрите, какъ она одухотворена и какъ благородна въ своей скромности и простотѣ. Памятникъ прямо превосходенъ; на мой взглядъ это одинъ изъ лучшихъ, какіе имѣетъ Россія. И, что важно, онъ прекрасно поставленъ. Адмиралъ стоитъ и любуется полнымъ кораблей рейдомъ, а вокругъ него миръ и жизнь, ради которыхъ онъ сражался, и возставшій изъ развалинъ Севастополь, въ которомъ и за который онъ погибъ. Такимъ памятникомъ могъ бы гордиться и не Севастополь!

Потомъ мы поѣхали на Сѣверную сторону. Рейдъ былъ тихъ и ясенъ; солнце садилось, вытягивая по горизонту линію теплаго, яснаго румянца. Настоящіе тона Крыма, тона Айвазовскаго. Чудно хороша спокойная, ясная заря надъ затихающей Волгой; миромъ и величіемъ вѣетъ тогда отъ всей картины. Но то иной румянецъ, иная картина, воздухъ иной. Вотъ сейчасъ здѣсь, на рейдѣ, и краски не ярки, и нѣтъ оригинальной красоты въ линіяхъ, а пойдите, найдите что-нибудь похожее на сѣверѣ. Какая-то изумительная прозрачность, точно вырѣзы-

вающая всѣ контуры. Укрѣпленія на Сѣверной, соборъ въ городѣ,такелажи судовъ,—все инкрустировано въ прозрачномъ, напоенномъ нѣжнымъ румянцемъ воздухѣ. Синева моря, вдали замыкающаго горизонтъ, даетъ красивый контрастъ съ этимъ багрянцемъ, а выше краска меркнетъ и постепенно переходитъ гамму цвѣтовъ вплоть до блѣдно, ласково зеленаго. Какъ нѣжны, чисты, дѣвственны эти краски; почти также дѣвственны и чисты, какъ самый воздухъ. Когда надъ водной лазурью сіяетъ полуденное солнце, зноемъ и силою дышитъ вся природа. Когда выходитъ полная луна и заливаетъ ослѣпительно блѣднымъ свѣтомъ низкій берегъ, мягкіе гребни волнъ и темныя громады броненосцевъ, что-то таинственное и призрачное, и въ то же время боязливо страстное наполняетъ воздухъ. Когда темное небо молчаливо разверзаетъ сонмы яркихъ, расширенныхъ страстью очей, нѣга льется изъ нихъ на чуть озаренную землю. Но только въ этотъ предзакатный, да еще въ утренній, часъ можно видѣть южную природу въ такомъ стыдливо скромномъ и мило привлекатель-

номъ дѣвичьемъ нарядѣ.

Мы любуемся и ничего не говоримъ: только изрѣдка одинъ ткнетъ пальцемъ въ воздухъ, а другой молча кивнетъ въ отвѣтъ головою. Гдѣ-то сказано, что отъ избытка чувствъ уста глаголятъ. Но, право, есть случаи, когда отъ избытка чувствъ уста только смыкаются. Не хочется словомъ нарушить чувства, которое растетъ въ груди, поднимается все выше и выше и заливаетъ мелкую мелочь повседневности, какъ могучій приливъ смываетъ собою всѣ отбросы человѣческой жизни, грязнящіе берега вѣчнаго океана.

На Сѣверной сторонѣ, какъ и слѣдовало ожидать, дѣлать оказалось нечего, и мы, скинувъ бѣглымъ взглядомъ панораму города, поѣхали обратно. Краски померкли, силуэты потемнѣли, на мачтахъ замигали огоньки, еще не давая отблеска на не успѣвшей почернѣть водѣ. На Приморскомъ бульварѣ загорѣлся красивый рядъ электрическихъ фонарей; садъ пробуждался и закипалъ жизнью въ отличіе отъ засыпающаго рейда. Легко и правильно дышится въ этомъ вѣтеркѣ, набѣгающемъ съ моря и несущемъ

здоровый запахъ солоноватой стихіи. Рейдъ затихъ, замеръ какъ озеро. Вотъ если бы намъ такую погоду завтра!

———

III. До Стамбула.

Когда мы прiѣзжаемъ на пароходъ, море еще не принарядилось во всю красоту. Оно еще не яркосинее, а голубоватостальное, и невысокое утреннее солнце сверкаетъ на его поверхности, какъ расплавленный металлъ. Не знаю, что будетъ въ открытомъ морѣ, но здѣсь, въ бухтѣ, вода чуть рябится. Воздухъ свѣжiй, бодрый. Хорошо дышать въ такомъ воздухѣ. На пароходѣ просторно, пассажировъ немного. Въ первомъ классѣ ѣдетъ англичанка съ мужемъ и братомъ, франтоватый морской офицеръ и компанiя севастопольскихъ туристовъ. Во второмъ — двѣ русскiя дамы, русскiй нѣмецъ съ женою, мой спутникъ и я. Англичане, по обыкновенiю, жуютъ и выплевываютъ слова на своемъ родномъ языкѣ, не желая знать никакого иного; оффицiантъ говоритъ съ ними по-англiйски.

Молодцы эти англичане! Миссисъ картавитъ очень мило, и я, слушая ее, готовъ признать англійскій языкъ благозвучнымъ, какъ вдругъ ужасное карканье лысаго мистера разрушаетъ иллюзію. Туристы всю дорогу грызутъ леденцы и чувствуютъ себя совсѣмъ какъ дома: для нихъ Константинополь почти то же самое, что для насъ Богородское или, самое большее, Симбирскъ. Морякъ дѣлаетъ отчаянныя усилія, чтобы любезничать съ миссисъ по-англійски, а она скромно протестуетъ: „о, no!“ Нѣмецъ дуетъ пиво... Что касается до палубныхъ пассажировъ, то они почти сплошь восточные люди, главнымъ образомъ—турки, ѣдущіе къ себѣ домой. Красныя фески, смуглыя, загорѣлыя лица, рвань на плечахъ. Иногда они выходятъ изъ своей апатіи и о чемъ-то живо спорятъ: „по своему ругаются“,—поясняетъ матросъ. Но и ихъ немного. А больше всего на пароходѣ коровъ, везомыхъ въ Стамбулъ, а можетъ быть и дальше, на закланіе. По всему пароходу разносится, благодаря этому, родной сельскохозяйственный запахъ. Скоты съ рѣдкимъ равнодушіемъ взираютъ на море, точно

оно имъ извѣстно да и переизвѣстно.

Выходимъ изъ рейда. Все ближе и ближе становится херсонесскій маякъ. Солнце уже поднялось, небо и море успѣли посинѣть, особенно послѣднее. Бѣлая кайма низкаго берега красиво облегаетъ эту синеву и красиво же высится надъ нею бѣлая колонна маяка. Дальше въ море выступаетъ грозная масса мыса Фіолента, а позади, за Севастополемъ, виднѣются завернутыя прозрачной мглою горы и отдѣльно стоящій, похожій на покривившійся столъ, Чатырдагъ.

Вотъ что-то плеснуло. Еще, еще! Это дельфины цѣлой стаей плывутъ за пароходомъ, возбуждая общій интересъ. Они выпрыгиваютъ изъ воды и снова исчезаютъ, показываются то справа, то слѣва, то за кормою, вылетаютъ изъ-подъ самаго парохода. Особенно одинъ изъ нихъ—затѣйникъ. Онъ весь выскакиваетъ вертикально изъ воды, такъ что даже кончикъ хвоста видно, и, ловко повернувшись въ воздухѣ, ныряетъ, чтобы черезъ минуту снова выпрыгнуть такъ же ловко и изящно. У херсонесскаго маяка особенно много дельфиновъ; во время остальнаго пути

мнѣ нигдѣ не приходилось видѣть ихъ столько.

Бросаютъ лагъ*),—вышли въ открытое море. Веревка лага красиво тянется за кормою и приборъ равномѣрно отзванивает какія-то разстоянія. Море спокойно, пароходъ не прогнетъ. Я съ удовольствіемъ убѣждаюсь, что пока медикаменты останутся въ чемоданахъ и не грозятъ перейти въ наши желудки.

Берегъ все болѣе отходитъ въ даль и въ то же время все сильнѣе кутается въ дымку. Вотъ ужъ онъ едва виденъ: когда всматриваешься, уловляшь на горизонтѣ мглистую полоску; но если окидываешь море бѣглымъ взглядомъ, незамѣтно никакой границы ему, кромѣ неба. Вотъ и въ бинокль уже не видно берега. Море, одно только широкое и гладкое, лазурное море. Нѣтъ на немъ ничего кромѣ нашего „Олега"—ни дыма, ни паруса. Даже дельфины остались у береговъ.

Вѣроятно оттого, что о безбрежности моря говорятъ ужъ слишкомъ много,

*) Лагомъ называется приборъ, служащій для опредѣленія пройденныхъ разстояній и скорости хода.

больше, чѣмъ слѣдуетъ, она не поражаетъ. Я не чувствовалъ себя ни затеряннымъ, ни подавленнымъ; вообще не получалось впечатлѣнія особенной грандіозности или пустынности. Но зато какъ красива эта голубая равнина. Точно кто шелковой тканью застлалъ ее. Только этотъ шелкъ колышется мѣрнымъ дыханіемъ, живетъ, полонъ силы. Пароходъ неторопливо, но споро сверлитъ его своимъ винтомъ, оставляя назади бѣловатую, слегка кипящую полосу. Движеніе судна мало замѣтно среди безбрежнаго моря, но лагъ позваниваетъ и отсчитываетъ милю за милей, а пассажиры твердо знаютъ, что, какимъ безграничнымъ ни выгляди море, они все же черезъ двадцать восемь часовъ будутъ у Золотого Рога. Прежде, когда плавали по морю въ жалкихъ посудинахъ, парусомъ, оно, конечно, казалось человѣку громаднѣе и онъ болѣе чувствовалъ себя порабощеннымъ, чѣмъ теперь, когда онъ на своихъ огнедышащихъ великанахъ въ однѣ сутки, по заранѣе составленному росписанію, переплываетъ весь, нѣкогда грозный, Понтъ...

Между тѣмъ солнце клонится ниже.

Шелкъ моря темнѣетъ. Южныя сумерки вдругъ падаютъ на природу. На югѣ вообще смеркается быстро, разомъ; но еще замѣтнѣй это въ морѣ, гдѣ нѣтъ послѣднихъ лучей солнца, еще озаряющихъ багрянцемъ вершины горъ. Гаснутъ послѣдніе отблески свѣта. Ярко выступаютъ въ небѣ звѣзды, сначала крупныя, потомъ тысячи мелкихъ. Золотою пылью осыпали онѣ темносинюю, почти черную ризу неба и красуются надъ такой же темносиней поверхностью замолкшаго, но не заснувшаго моря. Не долго, однако, ихъ царство. Вотъ уже загорается юго-востокъ блѣднымъ свѣтомъ и спѣшатъ померкнуть окружающія звѣзды. Свѣтъ яснѣетъ и вдругъ прямо изъ моря выплываетъ огненно-кровавый край луны. Онъ еще не свѣтитъ, онъ только свѣтится и разсѣиваетъ вокругъ себя слабое, неуловимое, робкое мерцаніе. Но выше и выше всходитъ луна, бѣлѣе и ярче становится, и все около нея меркнетъ, давая мѣсто ей и ея свѣту. Ночь признала ее своей царицей и она спокойно сіяетъ теперь надъ моремъ, ясная, свѣтлая, чуть-чуть ущербленная. Здѣсь она бѣлая, въ ней меньше синевы, ко-

торая отличаетъ лунный свѣтъ на сѣверѣ; но здѣсь она нѣсколько ярче. Черезъ море протянулась ослѣпительная, безконечно уходящая въ даль дорога. Лунный столбъ здѣсь не серебряный, какъ на Волгѣ, а слегка желтоватый, латунный; онъ сіяетъ и искрятся, а по краямъ его, какъ золотыя мухи, перепархиваютъ отдѣльныя искорки. Обрывки облаковъ красиво серебрятся, проходя передъ луною. Хороша такая ночь, и пассажиры долго сидятъ, любуясь на палубѣ.

Утромъ внезапно пробуждаюсь отъ заунывныхъ свистковъ. Ощущеніе,хорошо знакомое волгарямъ: туманъ. Только здѣсь оклики парохода еще унылѣе и глуше.Выхожу на палубу.Все задернуто молочнымъ туманомъ; дали исчезли; даже капитанскій мостикъ виденъ сквозь дымку. Природа затихла въ мягкой мглѣ. Море едва шевелитъ поблѣднѣвшею, бѣлесоватою волною. Въ воздухѣ разлито ровное, блѣдное сіянье. Проглянулъ и солнечный свѣтъ сквозь туманъ, но и онъ дошелъ сюда смягченный, блѣдный, не принеся съ собою ни блеска, ни красокъ; только еще молочнѣе стала мгла. Все пріобрѣло ко-

лоритъ какой-то мягкости, своеобразной и прекрасной по цѣльности настроенія. Несмотря на сырость, не хочется уходить съ палубы,а между тѣмъ все мокрое—палуба, скамьи, снасти, перила, лѣстницы; мелкія капли садятся на лицо, на платье, на руки. Я нахожу, что это еще не бѣда, что стоитъ немного отсырѣть, когда все такъ славно, и часа два марширую по палубѣ, не дерзая сѣсть на мокрыя, точно облитыя водою скамьи. Но мой спутникъ больше меня дорожитъ житейскими удобствами и ворча удаляется въ каюту. Недоволенъ и дежурный помощникъ капитана: туманами его не удивишь, онъ ихъ видѣлъ десятки разъ, а изъ-за нихъ рискуешь на кого-нибудь налетѣть, да и изволь мокнуть на этой проклятой вахтѣ. Мнѣ кажется даже, что онъ враждебно посматриваетъ на меня: вотъ, дескать, нашелъ человѣкъ чему радоваться!

Идемъ тихо, всего миль восемь въ часъ, вмѣсто двѣнадцати *). Слабѣе ударяетъ винтъ, рѣже отзваниваетъ лагъ свои разстоянія. И самый паро-

---

*) Морская миля—$1^{3}/_{4}$ версты.

ходъ поневолѣ подчинился природѣ и гармонируетъ съ ней въ настроеніи, тихомъ, застывшемъ, блѣдномъ, когда все смягчено, когда нѣтъ ничего рѣзкаго—звуковъ, свѣта контуровъ, даже движеній...

А черезъ нѣсколько часовъ вокругъ снова прозрачная синева, опять сильнѣе буровитъ воду винтъ и по небу лишь кое-гдѣ стелятся поднявшіеся съ моря обрывки тумана. Солнце ярко свѣтитъ, а вдали, въ легкомъ флерѣ, виднѣются уже горы анатолійскаго берега. Скоро Босфоръ.

Большинство читателей, конечно, не имѣетъ о Босфорѣ никакого представленія; иные же составили себѣ понятіе по знаменитой олеографической мазнѣ въ тридцать съ чѣмъ-то красокъ, какъ заманчиво объявлялось въ свое время. „Босфоры при лунномъ свѣтѣ", увы, украшаютъ собою въ раззолоченныхъ рамахъ гостинныя очень многихъ невзыскательныхъ по части художествъ казанскихъ и иныхъ обывателей. Что такіе „Босфоры", во сколько бы красокъ они ни были, не имѣютъ ничего общаго съ искусствомъ, объ этомъ едва ли надо распространяться. Но пусть

ихъ поклонники знаютъ, что и съ настоящимъ Босфоромъ не имѣетъ ничего общаго это дѣтище издательской предпріимчивости.

Когда пароходъ входитъ въ Босфоръ, вы прежде всего видите передъ собою довольно узкій, извилистый проливъ—веселую голубую ленту, легшую между невысокихъ горъ, лучше сказать, холмовъ. Эта лента красива, какъ вообще красиво море; берега только ея рама, посредственная рама на прекрасную картину. Они голы, неоригинальны и украшены съ обѣихъ сторонъ какими-то турецкими казармами того самаго оффиціальнаго желтаго цвѣта, который чаще всего присвояется казеннымъ зданіямъ и у насъ. Тутъ же рядомъ земляныя укрѣпленія и внушительныя дула пушекъ, защищающихъ входъ въ проливъ. На минуту останавливаемся, чтобы получить пропускъ, или, какъ говорятъ здѣсь—„практику", и идемъ дальше. Вотъ на европейскомъ берегу дачныя мѣста—Буюкъ-Дере, Терапія—франтоватыя, но довольно голыя и тѣсно застроенныя. Берега становятся зеленѣе и привѣтливѣе; они все гуще застраиваются

красивыми дачами,—стройные и строгіе кипарисы рядами и группами поднимаютъ къ небу свои вершины.

Мѣстами съ веселымъ видомъ современныхъ построекъ даютъ красивые контрасты башни и стѣны старыхъ, черныхъ, источенныхъ временемъ крѣпостей. Если не ошибаюсь, еще первые турецкіе завоеватели поставили ихъ тутъ грозить проливу. Прежде и теперь —какая разница! Какъ много красоты и романтики вносили тогда въ военное дѣло при сравнительно малой убійственности. И какъ дѣловито, можно сказать, сухо ведется война теперь. Вотъ рядомъ съ причудливыми громадами старыхъ замковъ скромные, повидимому, земляные окопы и нѣсколько пушекъ. Какъ просто, практично и некрасиво въ то же время. Пройдутъ вѣка и отъ земляныхъ окоповъ останутся лишь кучи земли, а сѣрые замки все будутъ красоваться въ ясной синевѣ неба и въ багрянцѣ зари, говоря, на зло создавшей ихъ войнѣ, не объ уничтоженіи, а о вѣчности.

Все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться суда. Еще при входѣ въ проливъ море оживилось ими. Ближе къ

городу они снуютъ то и дѣло. Широкія барки лѣниво плывутъ, распустивъ паруса. Небольшіе пароходики мѣстнаго сообщенія, съ бѣлыми номерами на трубахъ, быстро бѣгаютъ взадъ и впередъ. Громадные трехмачтовики проходятъ мимо, коптя ясное небо черными клубами дыма. Всюду флаги; преобладаютъ—красные съ луною...Здѣсь Босфоръ очень нарядены. Рама уже становится достойной картины, а сама картина дѣлается все оживленнѣе. Голубой шелкъ и веселая празелень пролива, красиво застроенные берега, кипарисы какъ свѣчи, возносящіяся къ небу, снѣговыя вершины въ глуби азіатскаго берега, южное солнце, легкая дымка, омывающая дали, теплый, почти горячій вѣтеръ, дующій въ лицо и колеблющій складки пестрыхъ флаговъ,—все это сливается въ стройное цѣлое, въ красивую, оригинальную и полную жизни картину.

И вотъ, за поворотомъ, справа открывается перспектива извилистаго залива, застроеннаго моремъ зданій. Это Константинополь. Не вѣрьте, если какой-нибудь туристъ станетъ разсказывать вамъ, какое „восточное“ впечатлѣ-

ніе производитъ панорама Константинополя и Золотого Рога; не предполагайте картинъ изъ „Тысячи и одной ночи“. Мы вообще ожидаемъ видѣть Востокъ въ стилѣ Шехеразады, съ фантастическими кіосками, алмазными фонтанами, сказочными дворцами, шелковыми тканями и халатами. Но Востокъ „Тысячи и одной ночи“ только и существуетъ въ „Тысячѣ и одной ночи“. Здѣсь берите его такимъ, каковъ онъ есть на дѣлѣ,—съ грязными, узкими улицами, собаками, вонью, черными сюртуками, торговыми конторами, громадной гаванью, полной пароходовъ, и таможней. Кромѣ того, отсюда, съ палубы, вы не различаете ясно ни улицъ, ни характера домовъ, и весь восточный колоритъ сводится только къ мечетямъ. Но какъ прекрасно это облако зданій и прозрачной дымки, на которомъ то здѣсь, то тамъ круглѣютъ огромные куполы и лѣсъ красивыхъ минаретовъ стройно поднимается въ высь, вонзясь въ ярко голубое небо. Какъ хорошъ этотъ рейдъ, кишащій пароходами, барками и пестрыми каиками, полный движенія и шума. Какъ прекрасна и своеобраз-

на вся картина великаго города, если только отрѣшиться отъ ожиданія небывалыхъ дворцовъ и волшебниковъ и подходить къ ней просто, безъ всякой предвзятой мысли, какъ подходишь ко всякому иному мѣсту, ко всякой иной красотѣ. Константинополю вредитъ его нѣсколько раздутая репутація. Одни огорчатся, найдя вмѣсто придуманнаго Востока настоящій; другіе предпочтутъ яркую дѣйствительность еще болѣе яркому, но небывалому вымыслу. У всякаго свой вкусъ. Для меня Константинополь хорошъ и оригиналенъ.

———

IV. Константинополь.

Когда смотришь съ рейда, то видишь себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ городомъ. Это—отдѣльныя части Константинополя, или, если хотите, отдѣльные города, сплотившіеся въ одну громадную столицу. По ту сторону пролива, въ Азіи, раскинулся обширный Скутари съ огромной темной рощей кипарисовъ; это—знаменитое скутарійское кладбище, куда нерѣдко привозятъ хоронить богатыхъ турокъ даже изъ-за границы. На южномъ берегу Золотого Рога, на высокомъ гребнѣ мыса, отдѣляющаго этотъ заливъ отъ Мраморнаго моря, густо столпились дома Стамбула и ихъ тѣсный муравейникъ мѣстами прорывается красивыми куполами мечетей, и стройные минареты, будто выросшіе на этой живой кучѣ, поднимаются къ небу стройными законченными колоннами.—Святая Софія!

говоритъ кто то, указывая на громадный храмъ, снаружи тяжеловатый, благодаря нагроможденію контрфорсовъ и обезображенный совершенно неидущими къ нему минаретами, которые некрасивы, притомъ и сами по себѣ. Отсюда гораздо эффектнѣе другіе мечети —султана Ахмеда, окруженная шестью дивными минаретами, и Сулеймана, господствующая надъ всѣмъ Стамбуломъ, вырѣзывающая въ воздухѣ плавный полукругъ своего огромнаго купола .. Оборачиваетесь, по другую сторону Рога видите на склонѣ горы расположенную Перу и стелящуюся у ея ногъ Галату. Это—такъ называемая европейская часть города. Она также тѣсна, какъ и Стамбулъ, но менѣе оригинальна; ее не украшаютъ громадныя мечети и только красивая галатская башня, вырѣзанная этажами окошекъ и увѣнчанная краснымъ флагомъ, оживляетъ видъ. А здѣсь, въ серединѣ, между всѣми этими частями громаднаго города, красивой лентой протянулась слегка зеленоватая вода Босфора и Золотой Рогъ кипитъ и кишитъ судами. Большіе пароходы, до громадныхъ океанскихъ включительно, стоятъ ря-

дами, приползаютъ и уползаютъ, глухо воя отъ времени до времени; парусныя суда; красиво наклонясь и слегка роясь носомъ, летятъ съ распущенными крыльями; небольшіе колесные пароходики, безобразные, въ родѣ тѣхъ, что рисуются надъ заголовками объявленій, снуютъ взадъ и впередъ; и среди всей этой сутолоки, непрерывнаго движенія и неумолчнаго гама шныряютъ каики съ гребцами въ красныхъ фескахъ, поражая непривычнаго зрителя отвагою, съ которой они пролетаютъ подъ самымъ носомъ идущихъ судвъ. Флаги красиво полощатся въ воздухѣ,—ярко-красные съ полумѣсяцемъ и звѣздою, трехцвѣтные русскій и французскій, красивый синебѣлый греческій, итальянскій съ зеленымъ и множество другихъ, которыхъ и не знаешь. Жизнь, движеніе и неизмѣнные спутники ихъ здѣсь, на востокѣ, крикъ и шумъ... А въ голубой перспективѣ Мраморнаго моря виднѣются ласковые контуры подернутыхъ легкою дымкою Принцевыхъ острововъ и за ними, въ дали, снѣжныя вершины азіатскаго Олимпа...

Такова въ общихъ чертахъ панорама

города. Тотъ же характеръ имѣетъ она, если смотришь съ галатской башни; только въ этомъ случаѣ муравейникъ домовъ виднѣется сверху, съ птичьяго полета, и видно, какъ кривыя узкія щели улицъ рѣжутъ его вдоль и поперекъ.

Высадившись на берегъ и пройдя черезъ обширный и грязный сарай таможни, гдѣ, къ слову сказать, формальностей болѣе, чѣмъ въ греческой и русской таможняхъ, вмѣстѣ взятыхъ, вы наконецъ выходитѣ на набережную улицы Галаты. Вы знаете, что это европейская часть города и ожидали встрѣтить здѣсь нѣкоторое благоустройство. Какъ вы ошиблись. Отвратительныя мостовыя (увы, еще хуже казанскихъ), грязь, узкія щели вмѣсто улицъ, вонь, нечистота и громадная толпа, толкающаяся и безпорядочно тѣснящаяся на улицахъ—такова Галата. Европейская часть города, это значитъ —*населенная европейцами*, а отнюдь не *устроенная по-европейски*. Въ смыслѣ благоустройства всѣ части города различаются не рѣзко. Въ Галатѣ и Перѣ почище, магазины покрупнѣе и собакъ нѣсколько поменьше, чѣмъ

въ Стамбулѣ, но и въ томъ, и въ другомъ, и третьемъ нѣтъ такой рѣзкой разницы, какъ можно бы ожидать. Нѣтъ широкихъ улицъ, гдѣ можно было бы свободно разъѣзжаться экипажамъ, не опасаясь зацѣпиться другъ за друга, нѣтъ, или почти нѣтъ, мостовыхъ, гдѣ не ломались бы ноги, и тротуаровъ, которые внезапно не прерывались бы; нѣтъ воздуха, вполнѣ свободнаго отъ вони. Но при всемъ томъ само собою разумѣется, что, если вы хотите узнать Константинополь, ознакомиться съ его толпою, его уличною жизнью, надо ѣхать въ Стамбулъ и Скутари, а не ограничиться относительно европейскою Перою и международной Галатой. Поэтому заплатите, по положенію, маленькую монетку-бляшку и идите черезъ кипящій толпою знаменитый (и очень скверный) мостъ на ту сторону Золотого Рога, въ настоящій Стамбулъ.

Улицы здѣсь еще уже, люднѣе и грязнѣе, чѣмъ по эту сторону моста. Густая толпа наполняетъ ихъ; смѣшались въ одно цѣлое люди, лошади, экипажи и собаки, пѣшеходы идутъ посреди улицы взадъ и впередъ,

тутъ же останавливаются для разговоровъ съ пріятелями; не безъ труда пробираются черезъ толпу экипажи, вагоны конки. Невообразимый шумъ виситъ въ воздухѣ. Десятки разносчиковъ орутъ во всю глотку, выбиваясь изъ силъ, чтобы перекричать другъ друга. Продавцы выхваливаютъ свой товаръ, уловляя прохожихъ. Кучера кричатъ. Ревутъ пронзительные рожки кондукторовъ. Лаютъ и визжатъ собаки, дѣля добычу. И всякій старается говорить такъ громко, чтобы его могли услышать въ этомъ дикомъ гвалтѣ.

Какофонія звуковъ соотвѣтствуетъ и какофонія образовъ. Только эта послѣдняя сказывается менѣе ярко: старые національные костюмы почти исчезли и толпа получила почти европейскій характеръ. Изрѣдка лишь попадается просторный халатъ и чалма, и это по большей части въ менѣе оживленной, не торговой части Стамбула. Много черныхъ сюртуковъ, особыхъ стамбульскихъ, однобортныхъ, и пиджаковъ. Стамбульскій сюртукъ и фесъ —преобладаютъ; это здѣсь почти общій костюмъ, если исключить заѣзжій

людъ, духовенство и военныхъ. На ряду съ нимъ, однако, мелькаютъ, бѣлыя рубахи и синіе, широкіе вверху, съуженые книзу штаны провинціаловъ и черного люда, соломенныя шляпы, цилиндры, чесунчевые пиджаки, чьи-то бѣлые балахоны, закутанныя, полузакутанныя и незакутанныя головы женщинъ, экстравагантные костюмы европейскихъ дамъ, съ преобладаніемъ почему-то сиреневаго цвѣта, католичеческій монахъ въ коричневой рясѣ и съ четками за веревочнымъ поясомъ, какой-то негръ въ пестро расшитой курткѣ, греческій священникъ въ своеобразно расширенной наверху шапкѣ, группа матросовъ французовъ, съ помпонами на шапкѣ, и солдаты, солдаты..

Формы въ турецкой арміи отличаются яркостью. Преобладаютъ синій цвѣтъ мундировъ, красные воротники и погоны. Мундиры — и однобортные, и двубортные, и съ тремя рядами пуговицъ, съ кушакомъ и безъ кушака, какихъ-то непонятныхъ, чуждыхъ фасоновъ, иногда съ красными нашивками на рукавахъ, иногда съ красной грудью, съ мѣдной луной въ видѣ ошейника и красными эксельбантами. Все это раз-

нообразіе мундировъ, въ которомъ не встрѣтишь двухъ одинаковыхъ, ходитъ большею частью невѣроятно растерзанное, разстегнутое вполнѣ или наполовину, и придаетъ толпѣ оживленно яркій видъ.

Турецкихъ женщинъ видно немного; тѣмъ не менѣе нельзя сказать, какъ это сдѣлалъ въ своей книгѣ одинъ русскій туристъ, что онѣ не показываются на улицѣ. Совершенно закутанныхъ, почти нѣтъ. Въ большинствѣ случаевъ строгость закона обходится: покрывало или показываетъ вмѣстѣ съ глазами половину лица, или дѣлается почти прозрачнымъ, какъ густая вуаль, и позволяетъ видѣть лицо. Большинство некрасиво даже съ оріентальной точки зрѣнія. Старухи и вовсе уже безобразныя рожи къ сожалѣнію совсѣмъ не закрываются. Впрочемъ, все сказанное относится лишь къ Стамбулу; уже въ Скутари почти всѣ женщины укутываются съ должной добросовѣстностью.

Ближняя къ мосту и Золотому Рогу часть Стамбула носитъ исключительно торговый характеръ: лавки, лавки, кофейни и еще лавки. Изъ числа про-

лавчонъ добрая половина греки; встрѣчаются иностранцы и другихъ націй. Торгуютъ одеждой, посудой, ювелирными вещами, мясомъ, сбруей, овощами, туфлями, прохладительными напитками, оружіемъ .. Среди улицы расположились лотки зеленщиковъ и фруктовщиковъ, усиленно предлагающихъ свой товаръ, и кое-гдѣ небольшія бочки, укрытыя зеленью: это свѣжая вода. Караванъ тяжело навьюченныхъ верблюдовъ, головъ въ двадцать, гуськомъ пробирается въ толпѣ; безобразныя головы мѣрно качаются на длинныхъ шеяхъ въ тактъ крупному шагу. Около мясной лавки, присутствіе которой можно угадать издали помощью обонянія, томится нѣсколько собакъ, вдыхая заманчивую вонь и ожидая времени, когда можно будетъ что-нибудь сожрать или, по крайней мѣрѣ, вылизать.

Говоря о Константинополѣ, принято всегда упоминать и о его знаменитыхъ псахъ. И это съ полнымъ основаніемъ. Собаки чрезвычайно характерны для константинопольской жизни. Куда ни пойдите, онѣ вездѣ. Въ одиночку, по двѣ, по три, иногда по десяти, онѣ

сидятъ, бродятъ или лежатъ въ непринужденныхъ позахъ. Всѣ онѣ почти одинаковыя, средняго роста, довольно поджарыя, остромордыя, не слишкомъ мохнатыя, разныхъ оттѣнковъ сѣро-желтаго цвѣта, отъ темнаго, почти чернаго, до свѣтлаго, палеваго. Онѣ сидятъ передъ лавками, ожидая добычи, собираются на площадяхъ, валяются на тротуарахъ и мостовыхъ, иногда въ самыхъ неудобныхъ, людныхъ мѣстахъ. Надо имѣть не мало философскаго равнодушія, чтобы лежать и спать среди этой толпы, давая людямъ и осламъ переступать черезъ себя. По мнѣнію турокъ и заѣзжихъ туристовъ, собаки являются здѣшними санитарами, поѣдая всякую дрянь и нечистоту. Что они ѣдятъ всякую скверность, это не подлежитъ сомнѣнію; стоитъ только пройти вечеромъ по улицѣ, и по самой серединѣ ея вы увидите рядъ кучъ, поражающихъ обоняніе зрителя (да извинитъ читатель—изъ пѣсни слова не выкинешь!) ароматомъ застоявшихся выгребныхъ ямъ; отъ вони спирается дыханіе, до того она сильна. Такова здѣсь система очистки. Около этихъ кучъ, ворча и грызясь, какъ изъ-

за лакомства, возятся „санитары"; говорятъ, улицы подѣлены между отдѣльными собачьими общинами, которыя строго охраняютъ каждая свой участокъ; если и такъ, все же нарушенія чужихъ правъ многочисленны и ведутъ къ жестокимъ схваткамъ. Къ утру на улицѣ ничего не остается, кромѣ несъѣдобной щепы, бумаги, да пропитавшагося уже міазмами воздуха.

Конечно, понятіе о такой очисткѣ весьма относительно, хотя бы уже по одному тому, что не можетъ быть чистымъ мѣсто, гдѣ живутъ и совершаютъ всѣ отправленія десятки тысячъ собакъ. Это лишь замѣна одной нечистоты другою, и восторги передъ мудрой турецкой санитаріей нѣсколько наивны.

На мой взглядъ самое интересное въ этой собачьей жизни взаимныя отношенія псовъ съ людьми. Псы ничьи, они въ полномъ смыслѣ слова дѣти улицы, на которой они родятся, растутъ и умираютъ. Не знаю, принимаются ли здѣшними жителями мѣры во избѣжаніе собачьяго перенаселенія, или оно устраняется само собою, путемъ борьбы за существованіе. Во вся-

комъ случаѣ, взрослыхъ собакъ никто не трогаетъ и онѣ предоставлены собственной участи. Это не домашнія животныя, здѣсь нѣтъ и рѣчи о содержаніи или прирученіи. Это, какъ сказалъ бы естествоиспытатель, просто сожитіе, *симбіозъ*. Собаки полезны людямъ, поѣдая нечистоты, люди собакамъ, доставляя эти нечистоты. Но люди вы-брасывая свою дрянь, столько же заботятся о собакахъ, сколько и собакъ думаютъ о санитаріи, когда эту дрянъ жрутъ. Зато люди и собаки уважаютъ свободу другъ друга. Псы позволяютя, шагать черезъ себя и не обижаютсѣ если ихъ чѣмъ-нибудь ткнутъ; онъ знаютъ, что это не нарочно. Люди, въ свою очередь, спокойно относятся ки собачьему возлежанію среди дороги шагаютъ черезъ собаку,какъ будто такъ и надо; я видѣлъ на мосту, гдѣ цѣлый день клокочетъ толпа, какъ коляска какого-то паши, для котораго разгоняли и расталкивали народъ, своротила въ сторону, чтобы объѣхать спящаго пса. Не знаю какъ кому, а мнѣ очень нравится своеобразіе такихъ человѣко-песьихъ отношеній.

Подальше, въ менѣе проѣзжихъ и

оживленныхъ улицахъ магазины и лавки уступаютъ мѣсто мастерскимъ ремесленниковъ. Это открытыя помѣщенія въ родѣ ящика, у котораго совсѣмъ нѣтъ передней стѣнки; собственно говоря, даже какъ-то неловко и примѣнить сюда слово „мастерская". Тутъ кузнецъ стучитъ своимъ молоткомъ, сапожникъ оторвался отъ колодки и по-турецки, не торопясь, сосетъ огромный кальянъ. Тутъ же жарятъ, подвѣсивъ, неаппетитнаго вида грязные шашлыки, распространяющіе сравнительно аппетитный запахъ. Словомъ, все здѣсь дѣлается на виду, на улицѣ.

Пойдите еще дальше, въ глухія улицы Стамбула или въ отдаленные углы Скутари. Тамъ торговля исчезла. Дома молчатъ, запертые, мертвые; окна закрыты частой рѣшеткою, чтобы скрыть отъ любопытныхъ глазъ домашнюю обстановку и подругъ жизни правовѣрнаго. Улицы точно вымерли. Рѣдко пройдетъ красная феска, чалма, или укутанная въ покрывало женская фигура, да еще неизбѣжныя собаки спятъ, живописно раскинувшись въ тѣни.

Если не считать Святой Софіи, мече-

тей и немногихъ остатковъ старины, то, безспорно, самое интересное въ Константинополѣ его улицы и толпа, да еще виды по Босфору и изъ Скутари, гдѣ прекрасны кипарисы на кладбищѣ и откуда, какъ на ладони, городъ, прилегающая часть Мраморнаго моря и Принцевы острова. Музей, напр., довольно жалкій, пестро составленъ изъ ничего не говорящихъ уму и сердцу греческихъ обломковъ, двухъ-трехъ ассирійскихъ львовъ и турецкой старой рухляди; въ немъ недуренъ только, такъ называемый, саркофагъ Александра Македонскаго, да и тотъ не производитъ особенно яркаго впечатлѣнія.

Чтобы закончить достойнымъ образомъ константинопольскія впечатлѣнія, мы, трое земляковъ туристовъ, въ сопровожденіи благообразнаго старца-гида, отправились вечеромъ посмотрѣть вечернія развлеченія Галаты. Благообразный старецъ привелъ насъ въ довольно-таки безобразный кафэ-шантанъ, по-просту—кабакъ. На эстрадѣ играютъ трое или четверо музыкантовъ съ лицами убійцъ. Раскрашенныя дѣвицы на всѣхъ языкахъ Европы просятъ угостить ихъ лимонадомъ: греческій, ту-

рецкій, русскій, французскій, итальянскій, нѣмецкій, румынскій. У подножія галатской башни то же, что было и у Вавилонской: фантастическое смѣшеніе языковъ. Пьяные отъ необычнаго удовольствія (если не отъ вина) турки сидятъ, перемѣшанные съ матросами разныхъ фасоновъ, и какая-то дѣвица въ пестромъ костюмѣ, только-что окончившая невообразимо неуклюжую пляску, идетъ собирать мѣдяки. Это уже не Стамбулъ, а Галата; не турецкое, а интернаціональное, свойственное портовымъ городамъ. Безобразно, но и своеобразно это удивительное смѣшеніе племенъ и нарѣчій, и картина получается яркая.

V. Айя, Софія и мечети.

Объ основаніи храма Святой Софіи существуетъ легенда: говорятъ, что императору Юстиніану явился во снѣ ангелъ и указалъ ему размѣры и планъ будущаго сооруженія. Съ тѣхъ поръ императоръ не жалѣлъ ни силъ, ни средствъ. Шесть лѣтъ работали надъ постройкою десять тысячъ человѣкъ; введены были новые налоги; доходы цѣлыхъ провинцій вкладывались въ дѣло; языческіе храмы обирались въ пользу новаго зданія: тутъ есть колонны изъ Аѳинъ, Эфеса, Трои, Баальбека . .. И можно ли скупиться когда передъ умственными очами носится величавый, данный свыше образъ божественной красоты и влечетъ за собою, съ силою и страстью требуя осуществленія во имя славы Божіей.

Турокъ, показывающій намъ храмъ,

знатокъ своего дѣла; прежде всего онъ знакомитъ насъ съ деталями и расположеніемъ зданія, потомъ ведетъ вокругъ, за колоннами, отдѣляющими наосъ; вы оріентируетесь въ это время, и глазъ привыкаетъ къ затѣйливымъ капителямъ византійскихъ колоннъ, къ мозаичнымъ серафимамъ, къ безобразнымъ люстрамъ и люстрочкамъ, еще болѣе безобразнымъ зеленымъ щитамъ съ изреченіями Корана, къ рѣзнымъ каѳедрамъ и громадной султанской ложѣ, выстроенной очень не у мѣста. И когда эти подробности, то исконныя, свойственныя храму, то позднѣйшія, искажающія его и портящія впечатлѣніе, уже примелькались вамъ, когда глазъ пересталъ растерянно гоняться за ними, васъ выводятъ насредину.

Вы замираете. Громадный куполъ виситъ надъ вами, какъ опрокинутая бездна, какъ само небо. Долго вамъ кажется, что онъ только величавъ, но постепенно, слѣдя взоромъ его границы и постепенно опуская глаза внизъ, вы видите, что онъ и страшно великъ по своимъ размѣрамъ. Онъ накрываетъ весь наосъ, громадное пространство, величиною съ изрядную

площади, и если не кричитъ своею величиною, то лишь по причинѣ строгой согласованности всѣхъ частей.

Интересно сдѣлать бѣглое сравненіе. Греки были пантеисты и не понимали храмы внѣ природы, безъ природы. Они именно такъ и строили ихъ: поклонялись среди самой природы, оправивъ ее въ мраморную раму. Позднѣйшіе, христіанскіе народы требуютъ, чтобы ихъ храмы были велики и прекрасны, гдѣ бы ихъ ни поставили. Но здѣсь являются два разныхъ, крайнихъ типа, какъ и два разныхъ міровоззрѣнія. Зодчество Западной Европы взяло себѣ таинственный полумракъ и грозно торжественный звукъ органа; ея готическіе соборы въ суровомъ религіозномъ экстазѣ стремятся подняться отъ земли, простираютъ къ небу свои стрѣлы и шпицы. Зодчество Византіи выбрало ясный и благостный свѣтъ; здѣсь храмы не несутся въ высь и не пугаютъ воображенія острой суровостью ломанныхъ линій; вмѣсто того чтобы искать неба въ недосягаемой дали, здѣсь строятъ дивный куполъ, здѣсь приблизили къ себѣ небо; и все въ храмѣ плавно

и округленно, все въ немъ—дуга.

Такова именно Святая Софія. Она, поистинѣ, является великимъ и совершеннымъ осуществленіемъ этой идеи. Увѣнчанная громаднымъ, полнымъ свѣта и дивнымъ по своей плавности и спокойствію куполомъ, закругляющаяся съ концовъ полукружіями, которыя увѣнчаны полукуполами и обставлены абсидами, окруженная двумя этажами колоннады съ спокойными полуциркульными арками, Святая Софія рѣдкостно выдержана въ стилѣ и исполнена настроенія. Вся она полна мягкаго, не бьющаго въ глаза, но равномѣрно разливающагося свѣта, вся полна плавной закругленности и законченности. Въ ней нѣтъ смятенія и экстаза, нѣтъ неразрѣшимыхъ задачъ, но есть миръ и спокойствіе упованія.

И даже теперь, несмотря на запущенность храма, на аляповатые щиты, на люстры со шкаликами, на ложи и лѣсенки, на чуждыя завыванія какого-то чтеца, едва нарушающія тишину и жалкія среди этого величія, туристъ весь охватывается глубокимъ чувствомъ и стоитъ молча, не дерзая вносить своего слабаго голоса въ могучее и

святое молчаніе Бога, и руки сами собой складываются, какъ онѣ складываются на молитву.

Турки, если не считать самихъ молящихся, ведутъ себя и въ Софіи, и въ другихъ мечетяхъ очень непринужденно. Вонъ въ сторонѣ, разлегшись на циновкѣ, спитъ какая-то бородатая фигура въ широкихъ шароварахъ. Ламповщикъ заправляетъ масломъ шкалики люстры и, какъ у себя дома, перекликается со своимъ товарищемъ. За-то молящіеся сосредоточены въ себѣ самымъ примѣрнымъ образомъ. Тихо скользя туфлями-бабушами, появляются фигуры и садятся на молитву, другія, окончивъ молиться, уходятъ. И все тихо, благодаря прекрасному обыкновенію застилать полъ цыновками; шаги не будятъ тишины и не звучатъ среди молитвеннаго настроенія рѣзкимъ диссонансомъ.

Святая Софія по силѣ впечатлѣнія далеко оставляетъ за собою всѣ прочія мечети Стамбула. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она въ сущности вовсе не мечеть, несмотря на всѣ турецкія приспособленія, а православно-византійскій храмъ. Но нѣтъ также сомнѣнія и въ

томъ, что великое созданіе Юстиніана и его архитекторовъ—Исидора милетскаго и Анѳимія траллесскаго—глубоко поразило воображеніе турецкихъ завоевателей и дало имъ образецъ, которому они въ значительной степени подражали (конечно варьируя) и который положенъ съ тѣхъ поръ въ основаніе большихъ константинопольскихъ мечетей. Я видѣлъ мечеть султана Сулеймана (Сулейманіе), Ахмеда, Баязида, Османа, Шахъ Саде, султанши Валиде, видѣлъ по пути нѣсколько другихъ мечетей, неизвѣстныхъ мнѣ по имени. Всюду тотъ же безмятежно округленный куполъ надъ головою, опоясанный рядомъ оконъ; только масштабъ иной. Всюду тѣ же комбинаціи большихъ и малыхъ абсидъ, обставившихъ храмъ и ласкающихъ глазъ своей круглотою; число ихъ нѣсколько измѣняется, но общій характеръ отъ этого почти не становится другимъ. Стилизованы, собственно говоря, лишь детали и отдѣлка. Колоннады покрыты уже не полуциркульными арками, свободно и спокойно перелетающими съ колонны на колонну, а сжатыми у основанія или надломленными, тревожащими во-

ображеніе, мавританскими. Цвѣтныя стекла пестрѣютъ, какъ восточный коверъ. Восточные орнаменты плетутся подчасъ, утомляя глазъ своей красивой сложностью, а паруса свода украшены щитами, которые безобразны въ Софіи, а здѣсь совсѣмъ на мѣстѣ. И все это въ совокупности сливается въ довольно стройное и оригинальное впечатлѣніе. Интересны, впрочемъ, далеко не всѣ мечети, по крайней мѣрѣ—внутри. На мой взглядъ—лучшая, т. е. самая стильная и благородная—Сулеймапіе. Недурна затѣмъ мечеть Валиде. Ахмедіе оригинальна развѣ только своимъ безобразіемъ; четыре уродливыя приземистыя колонны стоятъ посред зданія, напоминая своимъ видомъ печки, и сходство это еще усиливается безвкусно пестрыми изразцами, которыми онѣ обложены, какъ и вся мечеть; въ общемъ получается нѣчто крайне шаблонное и притязательное; не понимаю, какъ можно тутъ молиться.

Снаружи мечети болѣе или менѣе похожи другъ на друга. Иныя имѣютъ особые дворы; таковы, напр., Баязидіе и Шахъ Саде. Черезъ красивую мавританскую дверь входишь во дворъ. Со

всѣхъ сторонъ колоннады, поддерживающія красивыя восточныя арки, посрединѣ причудливый, прорѣзной кіоскъ фонтана. Въ Баязидіе на дворѣ содержатся тучи голубей; они взлетаютъ и слетаютъ, и все время въ воздухѣ слышится трепетъ крыльевъ.

Самой красивой по внѣшнему виду надо считать мечеть Ахмеда съ ея шестью минаретами благородной формы; притомъ же она не залѣплена декоративными купольчиками и башенками, какъ нѣкоторыя другія, напр. Валиде. Мечеть Сулейманіе очень хорошо расположилась на холмѣ и, благодаря этому, отовсюду видна, поднимаясь изъ окружающей толпы. Затѣмъ надо упомянуть еще объ одной маленькой мечети въ Галатѣ, на берегу Босфора; она обладаетъ дивными минаретами, рѣдкими по своей красотѣ даже въ Константинополѣ, городѣ минаретовъ.

Наши русскіе (я разумѣю извѣстные мнѣ казанскіе и крымскіе) минареты плохи и не даютъ представленія о лучшихъ, мастерскихъ сооруженіяхъ этого рода, стройныхъ, чистыхъ, высокихъ, остріемъ вонзающихся въ небо; они и низки, и приземисты, и тупы. Та-

кой минаретъ рядомъ съ мощнымъ и спокойнымъ закругленіемъ выглядѣлъ бы насмѣшкою. Настоящій стамбульскій минаретъ странно гармонируетъ съ куполами, онъ даетъ имъ стиль и красоту; въ немъ звучитъ гордое сознаніе правоты, только своей правоты, исключающей правоту и истину у другихъ. Этимъ сознаніемъ исламъ отличается съ первыхъ дней своего существованія, недаромъ здѣсь и выработался минаретъ. Минаретъ—душа мечети.

———

VI Мозаики Кахріе Джами.

Въ самомъ захолустьѣ Стамбула, на краю города, у Адріанопольскихъ воротъ, на седьмомъ, сѣверномъ холмѣ Византіи, откуда начали грабить столицу мусульмане-завоеватели, и вблизи развалинъ дворца императора Константина, стоитъ мечеть Кахріе. Какъ сходство имени,такъ и многія другія обстоятельства, заставляютъ признать въ ней древній монастырь „въ Хорѣ", т.е.*въ полѣ, за городскими стѣнами*,гдѣ, дѣйствительно, она въ былое время и находилась. Нѣкогда дворцовая церковь, затѣмъ богатый, многолюдный монастырь, привлекавшій толпы богомольцевъ на поклоненіе выставлявшейся здѣсь по праздникамъ, послѣ императорскаго дворца, чудотворной иконѣ Одигитріи, —теперь это бѣдная, забытая мечеть, въ которую не часто заглядываютъ туристы и до которой надо долго тащить-

ся по самымъ глухимъ, бѣднымъ и грязнымъ улицамъ Стамбула, трясясь или ломая ноги по архимерзѣйшей мостовой и тревожа мирный сонъ тощихъ, сумрачныхъ псовъ. А между тѣмъ забытая мечеть очень заслуживаетъ обозрѣнія, благодаря своимъ интереснымъ мозаикамъ, которыя, по мнѣнію одного вполнѣ компетентнаго изслѣдователя, „послѣ Солуни не имѣютъ ничего себѣ равнаго на всемъ христіанскомъ Востокѣ". Эта мозаическая роспись, хотя и пострадала мѣстами отъ времени, все же представляетъ много хорошо сохранившихся произведеній и, что очень важно, не испорчена неумѣлыми реставраторами. Достоинства ея обратили на себя вниманіе западныхъ ученыхъ и даже вызвали у иныхъ плохо обоснованное предположеніе, что мозаики эти не византійскаго, а западнаго, итальянскаго происхожденія: дѣло въ томъ, что относятся мозаики къ позднему періоду, а въ византійскомъ искусствѣ послѣ Юстиніана уже привыкли видѣть только мертвую, уродливую условность. Я не компетентенъ разбираться въ этомъ вопросѣ, да здѣсь и не мѣсто.

Желающіе могутъ обратиться къ интересной работѣ проф Кондакова *). Достаточно сказать, что названный ученый, имя котораго имѣетъ значительный и признанный вѣсъ, анализируя мозаики Кахріе Джами, приходитъ къ заключенію, что онѣ, по своему стилю и техническому исполненію, равно какъ и по характеру содержанія, составляютъ произведеніе чисто византійскаго искусства, безъ всякаго участія Запада, и принадлежатъ къ періоду вторичнаго процвѣтанія этого искусства въ теченіе XI—XIII столѣтій.

Церковь первоначально была выстроена, повидимому, въ формѣ базилики и имѣла три абсиды и три нефа — средній, большой, и два малыхъ боковыхъ; затѣмъ она подверглась нѣкоторой перестройкѣ и получила куполы: большой надъ среднимъ нефомъ, и четыре малыхъ надъ боковыми абсидами и нартексомъ (притворомъ); въ этомъ видѣ она была украшена мозаиками и относится къ XI вѣку. Но впослѣдствіи, въ XIII вѣ-

---

*) *Н. Кондаковъ.* „Мозаики мечети Кахріе Джамиси въ Константинополѣ“. Од. 1881 г.

кѣ, она снова подверглась передѣлкѣ; извѣстный ученый астрономъ, философъ и логоѳетъ Ѳеодоръ Метохитъ, бывшій ктиторомъ храма, расширилъ его, увеличивъ правый нефъ и нарушивъ симметрію; кромѣ того, онъ прибавилъ притворъ; перестроенныя части также украшены были имъ мозаикой и живописью, а другія мозаики кое-гдѣ реставрированы. Древнѣйшія мозаики (XI в.) мы имѣемъ въ пяти куполахъ (но въ главномъ онѣ заштукатурены турками, а въ двухъ абсидныхъ куполахъ недоступны обозрѣнію) и во внутреннемъ притворѣ. Мозаики XIII в. занимаютъ внѣшній притворъ и отчасти внутренній. Правый, увеличенный, нефъ былъ расписанъ живописью, теперь уже обълупившеюся.

Такимъ образомъ, въ наше время мозаики, доступныя обозрѣнію, сосредоточены исключительно въ обоихъ притворахъ и ихъ куполахъ.

На первомъ планѣ должно стоять погрудное изображеніе Христа надъ входомъ изъ внѣшняго притвора во внутренній. Спаситель держитъ въ лѣвой рукѣ золотое съ драгоцѣнными

камнями Евангеліе, а правою благословляетъ. Волосы нѣжные, русые; черты лица нѣсколько худощавы, но не рѣзки, худоба не утрирована художникомъ, какъ это сдѣлано, напр., на другомъ изображеніи, во второмъ притворѣ. Выраженіе мягкое, благосклонное. Краски, не слишкомъ яркія, еще болѣе способствуютъ этому впечатлѣнію.

Другое изображеніе Спасителя мы имѣемъ въ мозаикѣ внутренняго притвора: Өеодоръ Метохитъ подноситъ Ему храмъ. Художественныя достоинства этого произведенія не высоки; фигуры и лица неестественно удлиннены, появилась ненужная угловатость...

Третій Христосъ въ куполѣ.

Во внутреннемъ притворѣ размѣщены мозаики, иллюстрирующія жизнь Богоматери: цѣлованіе Елизаветы, рождество Богородицы, введеніе во храмъ, благословеніе Маріи священниками, явленіе ангела съ благою вѣстью и пр., и нѣсколько чудесъ Христа. Всѣ эти сюжеты разработаны сухо и носятъ на себѣ характеръ буквальной иллюстраціи къ священному тексту, который толковать, выражать по своему

художникъ не считалъ себя въ правѣ и даже не рѣшался оживить изображаемыя событія внесеніемъ какихъ-нибудь деталей. Болѣе интересны по содержанію мозаики внѣшняго притвора, иллюстрирующія жизнь Спасителя по Евангелію и апокрифамъ, и, какъ было сказано, болѣе позднія по происхожденію. Здѣсь сказывается уже стремленіе оживить сцену нѣкоторымъ натурализмомъ. Тутъ есть чудо въ Канѣ Галилейской, умноженіе хлѣбовъ, искушеніе отъ діавола. Царь Иродъ важно сидитъ на престолѣ въ золотой коронѣ; тутъ же избиваютъ младенцевъ, и мать плачетъ надъ ребенкомъ. Волхвы скачутъ на уродливо изображенныхъ коняхъ, слѣдя глазами за ведущей ихъ звѣздою. Св. Дѣва Марія ѣдетъ на мулѣ въ Виөлеемъ, сопутствуемая Іосифомъ и юношей Симономъ, несущимъ пожитки; Марія обращается къ Іосифу, прося его снять ее съ мула, ибо пришло время ей родить; невдалекѣ, за горою виденъ городокъ Виөлеемъ. Далѣе Св. Дѣва и Іосифъ записываются предъ лицомъ какого-то начальника въ перепись. Еще далѣе изображено рождество Христово; спеленатый младенецъ

лежитъ въ ясляхъ, изъ которыхъ ѣдятъ волъ и оселъ, Богоматерь покоится на ложѣ, Іосифъ задремалъ сидя, ангелы поютъ „слава въ вышнихъ Богу“, а вдали видны пастыри и стада. Послѣднія три мозаики, то есть путешествіе въ Виѳлеемъ, сцена переписи и рождество Христово, на мой взглядъ являются самыми интересными изъ всѣхъ изображенныхъ событій. Несмотря на строгую условность, сковавшую свободу мастера, здѣсь видны и своеобразная грація (подчасъ, какъ и всегда у византійцевъ, утрированная до манерности), и чувство, и яркія, сочныя, хотя и не слишкомъ бьющія въ глаза краски.

Можно различно относиться къ византійскому искусству: одни будутъ находить въ немъ великую красоту, другіе будутъ оттолкнуты его условностью и манерностью. Но, какъ бы то ни было, и для тѣхъ, и для другихъ должно быть интересно ознакомиться съ нимъ въ лицѣ его лучшихъ образцовъ. Поэтому нельзя не пожалѣть отъ всей души, что у туристовъ, посѣщающихъ Константинополь, Кахріе Джами не вызываетъ того вниманія, какого заслуживаетъ.

VII. По Эгейскому морю.

Суматоха, которая всегда предшествуетъ отправленію парохода, окончена; лодки, толпившіяся вокругъ, отхлынули на почтительное разстояніе; заработалъ винтъ, и громадный пароходъ „Императоръ Николай II“ сталъ медленно поворачиваться кормой къ Золотому Рогу и городу.

Выходъ въ Мраморное море тутъ же, въ виду. Это не то что въ Черное: не надо полтора часа тащиться проливомъ. Вотъ откуда слѣдуетъ смотрѣть Константинополь! Рѣшительно, онъ со стороны Мраморнаго моря красивѣе, чѣмъ съ сѣвера: глазъ сразу охватываетъ весь видъ—кромѣ Стамбула еще и европейскій городъ на склонѣ горы, и Скутари, и перспективу уходящаго въ даль Босфора. Минареты все такъ же стройны и благородны, но ихъ владѣнія окаймляетъ здѣсь не узкая,

заполненная судами кайма Золотого Рога, а лазурное приволье цѣлаго моря. Но особенно выигрываетъ Святая Софія; отсюда она положительно красива; не видно громадныхъ тяжелыхъ контрфорсовъ, заурядныя зданія, облѣпившія ее съ остальныхъ сторонъ, разступились и даютъ взгляду свободу. Здѣсь я понялъ, что храмъ былъ прекрасенъ и снаружи. Только безобразные минареты по-прежнему портятъ зданіе, и, глядя на него, испытываешь страстное желаніе убрать эти аляповатыя сооруженія, возведенныя вопреки всякому вкусу и стилю—византійскому, или мавританскому, безразлично.

Невольно ожидаешь, когда начнется настоящее, открытое море, и не можешь дождаться. Красивые Принцевы острова остались далеко позади, отъ Константинополя нѣтъ уже и признака, идемъ часъ, два, три, четыре, а все видны вдали берега, одинъ поближе, другой подальше, но все-таки оба. Таково ужъ Мраморное море — игрушечное. Недаромъ древніе греки считали его лишь преддверіемъ къ другому, большему морю и называли „Про-

понтидой"! Именно „Пропонтида"... Берега высокіе, непривѣтливые; само море радостное, свѣтлое. И такъ все время, пока не стемнѣетъ, и пароходъ не подойдетъ къ Дарданельскому проливу. Опять узкая полоса воды, только въ темнотѣ не различишь, насколько именно она узка Слѣва, въ Азіи, то и дѣло свѣтятся зеленые маяки; справа, въ Европѣ, огни красные. Три часа пути по проливу, остановка въ Дарданеллахъ и новое море—Эгейское съ Архипелагомъ. Рѣшительно не могу понять, какъ пароходное начальство видитъ что-нибудь въ этой кромѣшной тьмѣ, гдѣ нѣтъ ни луны, ни звѣздъ, а задернутое облаками небо дѣлаетъ всю природу черной какъ чернила. Пассажиры смиренно сознаютъ свою несостоятельность въ этомъ отношеніи и расходятся по каютамъ.

Утромъ опять справа и слѣва берегъ. Рѣшительно, на этихъ моряхъ нѣтъ минуты, когда не было бы видно гдѣ-нибудь земли. На этотъ разъ мы въ громадномъ Смирнскомъ заливѣ. Невдалекѣ, съ правой стороны, скверный городишка и противъ него нѣсколько судовъ подъ желтыми фла-

гами.—Клазомены! поясняетъ матросъ: а вонъ и наша «Царица» стоитъ.

Клазомены карантинный пунктъ для судовъ, идущихъ съ Востока въ Дарданеллы и Босфоръ. Вотъ гдѣ пришлось бы сидѣть на пути изъ Египта...

Смирна— городъ мало интересный. Видъ у нея европейскій, болѣе европейскій, чѣмъ у константинополя. Улицы и шире, и чище, хотя очень далеки еще отъ идеала чистоты; набережная великолѣпная, широкая, удобная, —говорятъ, одна изъ лучшихъ въ мірѣ. Населеніе смѣшанное; преобладаютъ греки, турки составляютъ всего четвертую часть, масса пришлыхъ европейцевъ. На берегу—консульства всѣхъ націй, конторы, европейскія вывѣски, рестораны и кафе-шантаны. Словомъ, что-то совсѣмъ международное. Я никогда не бывалъ въ Марсели, но всегда представлялъ себѣ ее именно такою. Мечетей почти нѣтъ. Церквей нѣсколько больше, но мало и ихъ. Недаромъ турки называютъ свою Смирну „невѣрной“.

Когда мы выходимъ изъ залива, вѣтеръ начинаетъ свѣжѣть и море волнуется. То и дѣло поднимаются и всплескива-

ютъ бѣлые гребни волнъ. Но, странное дѣло: море не темнѣетъ, оно почти такое же лазурное, какъ и раньше, развѣ чуть-чуть синѣе. А волненіе порядочное, и нашъ большой пароходъ съ двадцатью тремя футами осадки начинаетъ покачивать; Черное море давно уже стало бы стальнымъ и грознымъ, здѣсь все еще сохраняется веселый, свѣтлый видъ. Мягкіе контуры холмовъ и горъ на берегу и на островахъ Архипелага (кто-то, не помню, обидѣлъ ихъ названіемъ „короваевъ") еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе мягкости. Не хочется какъ-то вѣрить, что это море можетъ волноваться и что оно въ данную минуту именно волнуется. А между тѣмъ покачиваетъ все сильнѣе и сильнѣе, и къ вечеру по палубѣ уже трудно ходить, особенно поперекъ парохода: качка боковая, и вы то должны лѣзть на гору, которая тутъ же образуется подъ вашими ногами, то неожиданно рѣзво бѣжите внизъ, когда палуба куда - то уходитъ. Со стороны можно счесть васъ за пьянаго, глядя, какъ вы балансируете и заплетаетесь ногами.

Стемнѣло. Море и небо стали черными. Изъ-подъ носа парохода летитъ по водѣ искра и меркнетъ. Другая, третья... Это свѣченіе моря. Красивыя, голубоватыя, точно электрическія, онѣ отлетаютъ все снова и снова. Пассажиры собираются группой и любуются на оригинальную картину. Но море не шутитъ; пароходъ, не ограничиваясь плавными боковыми размахами, начинаетъ зарываться и прядать носомъ, и эти движенія такъ угрожающи, что поневолѣ махнешь рукой на всякія красоты и сойдешь спать, лишь бы не „закачало". Засыпаешь въ качку скоро и только иногда сквозь сонъ чувствуешь, что ноги поднялись что-то ужъ слишкомъ высоко, желательно бы немного пониже...

Утро тихое, спокойное, жаркое. Идемъ Эгинскимъ заливомъ, въ виду Аѳинъ. Налѣво назади островъ; это знаменитая Эгина. Немного дальше, впереди, другой островъ; это еще болѣе знаменитый Саламинъ. Что - то виднѣется вдали, направо, въ Аѳинахъ, на небольшомъ каменистомъ холмѣ. Это Акрополь. Яркоголубое море и яркоголубое небо смотрятся другъ въ друга.

Солнце немилосердно жаритъ выжженную, обнаженную, желтоватую землю. Вотъ она Эллада. Скорѣе бы ступить ногою на ея почву!

———

VIII. Аѳины.

Послѣ Константинополя Аѳины производятъ впечатлѣніе совершенно европейскаго города: широкія улицы (по крайней мѣрѣ въ центрѣ), просторныя площади, европейскіе костюмы, хорошее освѣщеніе вечеромъ, дисциплинированная толпа, умѣющая двигаться, не наступая на ноги и не толкаясь локтями; а это не всегда легко,—напримѣръ, къ концу дня на площади Конституціи, гдѣ собираются всѣ Аѳины подышать прохладою. Городъ не великъ, въ немъ сто съ небольшимъ тысячъ жителей, т. е. онъ меньше Казани. Но для своихъ размѣровъ онъ очень оживленъ и уличная жизнь въ немъ развита чисто по-южному: между полуднемъ и тремя часами все затихаетъ, лавки, конторы и музеи закрываются; въ остальное время улица поражаетъ своимъ оживленнымъ видомъ, изобиліемъ

народа, который, несмотря на жару, бойко и бодро спѣшитъ по своимъ дѣламъ; нѣтъ ни одного перекрестка, гдѣ не было бы широко раскрытыхъ дверей кофейни (по здѣшнему „кафеніона“), нѣтъ ни одного тѣнистаго мѣстечка, гдѣ не стояли бы столики; вы увидите ихъ даже на самой улицѣ, иногда на пыли и припекѣ. Не подумайте только, что тутъ сидятъ такъ же основательно, какъ у насъ въ ресторанахъ. Сюда никто не идетъ нарочно; это улица, на ней останавливаются по пути, чтобы прочесть газету, потереться среди публики, встрѣтить знакомыхъ. Спрашиваютъ себѣ что-нибудь очень незначительное: маленькую чашечку чернаго кофе и большой стаканъ воды, рюмку мастики (пахучій настой аниса, или чего - то въ этомъ родѣ) тоже со стаканомъ воды, или, наконецъ, стаканъ лимонада и опять неизмѣнную воду... Толпа движется какъ море, приливаетъ и отливаетъ. Солдаты—съ очень цвѣтистыми „выпушками, погончиками и петличками“, всѣ какіе-то маленькіе и всѣ на одно лицо, точно не настоящіе, а оловянные; они свободно, какъ полноправные

члены, разгуливаютъ въ толпѣ или сидятъ въ кафеніонѣ плечо къ плечу съ офицерами. Взадъ и впередъ снуютъ, предлагая свои услуги за десять лептъ ($2^1/_2$ копѣйки), маленькіе чистильщики сапогъ. Газетные разносчики, большею частью юркіе мальчишки, буквально кишатъ, выкрикивая заглавія газетъ и наиболѣе заманчивыхъ статей. Газеты идутъ очень бойко; разносятъ множество, и послѣ выхода вечерняго номера популярнаго „Акрополиса" его берутъ буквально нарасхватъ. Разносчики тотчасъ же бросаются на поѣзда желѣзной дороги и, благо разстоянія все небольшія, немного часовъ спустя потокъ новостей, хлынувшій изъ типографіи, уже широко разлился по странѣ. Газеты всѣ печатаются на греческомъ языкѣ. Исключеніе составляетъ только одинъ жалкій еженедѣльный листокъ съ громкимъ заголовкомъ — „Прогрессъ" — и изумительно скуднымъ содержаніемъ; онъ наполовину французскій.

Вообще въ Аѳинахъ всюду одинъ греческій языкъ. Вывѣски, газеты, названія улицъ — только греческія. За все пребываніе въ городѣ (болѣе недѣли) я,

если не считать моихъ личныхъ разговоровъ (гдѣ было возможно) по-французски, не слыхалъ на улицѣ ни разу иностранной, не греческой рѣчи. Очевидно, что несмотря на массу бывающихъ здѣсь туристовъ, Аѳины не желаютъ превращаться въ международный караванъ-сарай.

Народъ произвелъ на меня, насколько это возможно въ столь короткій срокъ и безъ знанія языка, пріятное впечатлѣніе и, во всякомъ случаѣ, не заслуживаетъ того легкомысленнаго, глумливаго отношенія, какое привыкли проявлять у насъ въ Россіи, гдѣ обыватель вообще падокъ пройтись на счетъ иноплеменника. Новогреки не обнаруживаютъ, напр., тѣхъ тенденцій къ обирательству и той назойливости, какими извѣстна Италія. И все ихъ отношеніе къ родинѣ то самое торжественное и усиленно бережное, какое особенно отличаетъ небольшія и недавно сложившіяся государства.

Характерно то обстоятельство, что въ складѣ жизни вовсе незамѣтно нравственной распущенности, какая обыкновенно свойственна центрамъ и портовымъ городамъ. Это, какъ хотите, го-

всрить въ пользу аѳинянъ.

Не разъ было высказываемо въ специальной литературѣ мнѣніе, что въ жилахъ современныхъ грековъ не содержится эллинской крови, что онигреки лишь по названію, въ сущности же представляютъ смѣшеніе всевозможныхъ вандаловъ, готовъ, болгаръ, албанцевъ, турокъ, сербовъ. Въ новѣйшее время, однако, получаетъ все большій вѣсъ мнѣніе, полагающее, что греки сохранили свою племенную чистоту не въ меньшей, а въ большей степени, чѣмъ прочіе народы Европы, особенно въ прибрежныхъ мѣстностяхъ и на островахъ.

„Кто виноватъ, кто правъ, судить не намъ“. Весьма можетъ быть, что современные греки унаслѣдовали отъ древнихъ и очень мало качествъ. Я этого не знаю. Но всякій, бывшій въ Аѳинахъ, засвидѣтельствуетъ, что они, по крайней мѣрѣ, получили любовь къ красивымъ зданіямъ и умѣнье строить. Конечно, это—не созданіе чего либо совершенно новаго, а лишь примѣненіе къ современному зданію античной колонны; но уже и это требуютъ художественнаго вку-

са, пониманія всего духа древней архитектуры. Посмотрите, какихъ прекрасныхъ результатовъ здѣсь достигаютъ; посмотрите на академію, университетъ, національную библіотеку, музей... Не всякій городъ можетъ похвалиться такими гармоническими и стильными образцами зодчества!

Аѳины расположились у конца Сароническаго, или Эгинскаго залива, отдѣляющаго полуостровъ Аттику отъ остальной Греціи. Городъ стоитъ не у самаго моря, а верстахъ въ семи отъ своей гавани, знаменитаго Пирея. Онъ раскинулся у подножія двухъ каменистыхъ холмовъ, изъ которыхъ одинъ и есть холмъ Акрополя, а другой носитъ названіе Ликабета и замѣчателенъ красивымъ видомъ на городъ. Если подняться на Ликабетъ, то получится приблизительно такая картина. Городъ со всѣми зданіями, площадями и древностями, съ прекраснымъ королевскимъ паркомъ, расположился у вашихъ ногъ, какъ на картѣ, среди общаго, блѣдно-желтаго, выжженнаго тона равнины. На югѣ красиво синѣетъ море съ Пиреемъ, бухтой Фалера и островами—Салами-

номъ и Эгиной. На востокѣ горизонтъ закрытъ длиннымъ и голымъ сѣрокаменнымъ хребтомъ Гимета. На сѣверѣ темнѣютъ горы Пентеликона, знаменитаго своимъ мраморомъ, и Парнеса (не слѣдуетъ смѣшивать его съ Парнассомъ). Наконецъ, на западѣ горизонтъ заслоняется линіей горъ и холмовъ, и въ ихъ смѣшеніи только знающій глазъ отыщетъ опредѣленныя, извѣстныя точки. Всѣ возвышенности округленны, мягки; горы незамѣтно переходятъ другъ въ друга, смягченныя полуденной дымкой; онѣ заслоняютъ другъ друга, выступаютъ одна изъ-за другой; цѣпь ихъ продолжается влѣво, къ югу, и дальше поднимается уже изъ моря,—это берега Пелопонесса. Всюду историческія воспоминанія: Саламинъ и его битва; Эгина; нѣкогда славная соперница Аѳинъ Мегара; Коринѳъ. И все такъ близко, все видно съ небольшого холма! Странное впечатлѣніе получается, когда видишь, на какой маленькой сценѣ разыгралась большая исторія страны. Вотъ тамъ было ужъ другое государство, и притомъ враждебное, и вонъ за тѣ холмы уже нельзя было ходить. Авонъ

тотъ островъ и есть Саламинъ. Когда я училъ о саламинской побѣдѣ, мнѣ представлялись грозные флоты, гдѣ-то далеко сражающіеся противъ и во имя цивилизаціи. И оказывается, что это у самыхъ же Аѳинъ и со своей горки граждане могли видѣть все, какъ на ладони. Странное впечатлѣніе: немного жаль прежнихъ, болѣе крупныхъ образовъ и, въ то же время, еще больше выростаетъ уваженіе къ духу маленькаго, но великаго народа, сумѣвшаго своей славой наполнить всемірную исторію.

Время происхожденія Аѳинъ исторически темно; преданіе приписываетъ основаніе города царя Кекропсу съ пеласгами. Согласно легендѣ, пеласги сравняли вершину холма и окружили его стѣнами. Здѣсь жили древніе цари и находилось святилище покровительницы города Аѳины, Посейдона и Эрехтея. Съ теченіемъ времени стала заселяться и подошва холма. Городъ постепенно сталъ украшаться храмами, особенно при Пизистратѣ, который возвелъ въ Акрополѣ храмъ Аѳины Дѣвственницы Эти древнія сооруженія не дошли до насъ. Во время персидскихъ

войнъ (въ 480 году до Р. Х.) городъ подвергся нападенію и жестоко былъ опустошенъ врагами. Но едва ушли персы, аѳиняне стали строиться и прежде всего обнесли городъ стѣнами. При Кимонѣ на южной сторонѣ крѣпостного возвышенія вывели новую стѣну, выстроили внизу, въ городѣ, дорическій храмъ Тезея и, можетъ быть, акрополійскій храмъ Безкрылой Побѣды. Еще болѣе Аѳины украсились при Периклѣ. Периклъ поручилъ строителю Иктину возвести въ Акрополѣ вмѣсто стараго, разрушеннаго персами пизистратова храма Аѳины новый храмъ—знаменитый Парѳенонъ, оконченный въ 438 году. Шесть лѣтъ спустя завершена постройка колоннады привходѣ въ Акрополь--Пропилеевъ. Къ 409 году воздвигнутъ новый Эрехтейонъ, взамѣнъ старѣйшаго святилища Аѳинъ, соединеннаго храма Паллады и Посейдона. Такимъ образомъ, уже за четыреста лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія главныя, наиболѣе великія сооруженія города были на мѣстахъ.

Римляне заботятся объ украшеніи Аѳинъ, поддерживаютъ древнюю красоту и строятъ вновь. Такъ, напримѣръ,

Адріанъ кончаетъ храмъ Зевса Олимпійскаго, начатый еще въ древности. Но это уже плохія времена, когда чужіе люди прилагаютъ руку къ тому, что не только было національной красотой, но и національной святыней.

Христіанство не могло перенести рядомъ съ собою идольскихъ капищъ. Храмы были разрушены или обращены въ церкви, идолы разрушены или увезены.

Затѣмъ пришли турки. Аѳины они обратили въ крошечный захолустный городокъ, Парѳенонъ передѣлали въ мечеть, сломали цѣлый храмъ Аѳины Побѣдительницы на какіе-то бастіоны и разрушили много другихъ памятниковъ.Въ 1687 году древности пострадали отъ венеціанскихъ бомбъ. Въ 1801 году англійскій посолъ лордъ Эльджинъ лишилъ Аѳины значительной части хъ скульптурныхъ украшеній Война за независимость Греціи сопровождалась также всевозможными разрушеніями.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ условіяхъ все достойное замѣчанія пострадало въ весьма значительной степени, а многое и совсѣмъ по-

гибло. Но вмѣстѣ съ независимостью Греціи водворился миръ и спокойствіе. Развалины приведены въ порядокъ и поддерживаются, новыя постройки, загромождавшія ихъ, снесены, соръ вѣковъ убранъ, и великія произведенія снова сіяютъ вѣчною прелестью:

„Такъ краски чуждыя съ лѣтами
„Спадаютъ ветхой чешуей;
„Созданье мастера предъ нами
„Выходитъ съ прежней красотой“.

———

IX. Акрополь.

Задолго до того, какъ я собрался въ свою поѣздку, прежде чѣмъ явилась мысль о ея возможности, я, насколько это возможно издали, зналъ аѳинскій Акрополь по рисункамъ и фотографіямъ,—зналъ его расположеніе, строгую простоту Парѳенона, привѣтливость храма Побѣды, кудрявую нарядность Эрехтейона. И когда я теперь поднялся по ступенямъ лѣстницы и вошелъ въ прекрасную колоннаду Пропилеевъ, передо мною раскинулся уже знакомый видъ — Парѳенонъ направо, Эрехтейонъ налѣво, мраморныя глыбы и плиты, разложенныя рядами и занявшія все вокругъ, и, вѣроятно, нѣкогда нарубленная ступенями, а теперь стертая подошвами тысячъ людей, коренная скала у входа. Все это, повторяю, было мнѣ извѣстно; одного только не-

зналъ я, и это одно было главное: освѣщеніе, тона, краски.

Кто не видалъ греческихъ храмовъ въ натурѣ, тотъ лишь съ трудомъ вообразитъ себѣ, какъ много значитъ выборъ строительнымъ матеріаломъ мрамора. Послѣ мнѣ пришлось видѣть античныя колонны, высѣченныя изъ простого камня; онѣ тяжело раздвигали воздухъ и ихъ холодный тонъ не гармонировалъ съ этой полной солнца природой; онѣ еще ждали чего-то, что вдохнуло бы въ нихъ жизнь. Но мраморъ весь пропитанъ солнцемъ. Золотисто-желтый отъ времени, онъ глазу кажется теплымъ и живымъ, а солнце кладетъ на него тѣни какъ-то особенно мягко, какъ не бываетъ съ другимъ матеріаломъ. У насъ на сѣверѣ, въ странѣ мороза и тумана, онъ утратилъ бы это качество. Онъ былъ бы холоденъ, какъ холоденъ на его мѣстѣ всякій другой камень. Но здѣсь, въ полной свѣта и тепла природѣ, онъ дома, онъ свой, онъ показываетъ намъ всю красоту, какой обладаетъ.

Греки умѣли пользоваться этимъ. Они расчленили мраморъ въ отдѣльныя колонны, они обдали его свѣтомъ

со всѣхъ сторонъ и поставили вырѣзываться въ дивно чистомъ воздухѣ, на дивно свѣтломъ небѣ. Они добивались и добились того, чтобы ни одна частица мрамора не лежала мертвымъ капиталомъ, не соприкасаясь съ свѣтомъ и лазурью, и чтобы ни одна частица свѣта не доходила до глазъ, не обрамленная мраморомъ. И мѣсто они выбирали такое: на горѣ, гдѣ храмъ высился бы наравнѣ съ синевою неба, или надъ моремъ, чтобы онъ глядѣлся въ мягкое сіянье моря. Отъ этого ихъ храмы не случайность, а стройный аккордъ, который нельзя вырвать изъ гармоніи природы, не нарушивъ ея совершенства. Въ этомъ и сокрыта извѣстная грекамъ и утраченная современнымъ зодчествомъ тайна красоты. Греческія творенія не только были *сдѣланы* человѣческими руками,—они *жили*. И потому-то они такъ полно передаютъ цѣлое міровоззрѣніе, что отлились подъ вліяніемъ той самой природы, въ которой отлился весь духъ древняго эллинизма. И потому-то теперь полуразрушенные вѣками, поваленные ураганами и землетрясеніями, они все же больше говорятъ о жизни,

чѣмъ новые, съ иголочки, строенія нашего времени въ стилѣ „caserne“, и сотни туристовъ приходятъ поклониться въ нихъ вѣчной красотѣ.

Все это, какъ лучъ свѣта, ярко мелькаетъ въ головѣ, когда стоишь подъ Пропилеями, облокотясь на старый мраморъ колонны, и смотришь на залитый свѣтомъ Акрополь. Надо понять это, иначе напрасно вглядываться въ прекрасныя очертанія,—они не откроютъ для васъ своей души. Къ сожалѣнію, не всѣ понимаютъ. По крайней мѣрѣ не понималъ извѣстный лордъ Эльджинъ, когда въ первыхъ годахъ этого столѣтія, запасясь разрѣшеніемъ турецкаго правительства, уродовалъ Парѳенонъ и храмъ Побѣды, святотатственно обдирая великолѣпные фризы и выламывая колонну Эрехтейона. Англія, конечно, выиграла, занеся въ свои каталоги такія созданія искусства, но человѣчество отъ растерзанія Парѳенона проиграло, какъ проиграло бы, если бъ Милосскую Венеру раскололи на части въ пользу всѣхъ государствъ Европы. Говорятъ, что Байронъ въ гнѣвѣ начерталъ на одной изъ колоннъ въ Акрополѣ: „qu d n n fece-

runt Goti, id fecerunt Scoti"...

И тѣмъ не менѣе онъ все еще прекрасенъ, этотъ Пареенонъ; прекрасны гордыя въ своей дорической простотѣ золотистыя колонны на фонѣ неба, мѣстами уцѣлѣвшія лишь наполовину, мѣстами полныя, но стоящія съ непокрытою головою, но большею частью сохранившія даже свои перекрытія—архитравъ и фризъ, увы, оголенный. Какъ прекрасенъ былъ храмъ, когда онъ стоялъ во всей красотѣ, увѣнчанный рельефами Фидія, съ длинною колоннадою вокругъ, открывающею перспективы яркаго моря и закутанныхъ въ легкую дымку сосѣднихъ горъ, господствующій съ группою другихъ бѣломраморныхъ зданій надъ всѣмъ городомъ и заливомъ и съ завистью видимый даже изъ далекаго Коринеа!

Лично мнѣ больше всего по сердцу полный строгаго величія и простоты дорическій стиль Пареенона и Пропилеевъ (какъ и вообще дорическій стиль), чѣмъ локоны іоническихъ капителей и декоративныя верхушки коринеоскихъ колоннъ. Поэтому слово «Акрополь» для меня звучитъ прежде всего, какъ „Пар-

ѳенонъ", и я долго любуюсь этимъ великимъ созданіемъ человѣческаго духа. Но когда я перехожу къ храму Безкрылой Побѣды*), я не могу не сознаться, что чудно хороша и эта болѣе мягкая, ласковая іоническая красота. Храмикъ совсѣмъ не великъ, но какъ много въ немъ радостнаго и открытаго; какъ красиво закручиваются завитки капители подъ ощутимымъ, но не чрезмѣрнымъ давленіемъ покрывающихъ частей; колонны утончились, округленность профиля (энтазисъ) больше; во всемъ меньше силы и больше нѣжности. Въ іонической колоннѣ есть что-то „ewig weibliche" въ отличіе отъ болѣе мужественной дорической.

Въ іоническомъ же стилѣ построенъ, какъ извѣстно, и третій храмъ Акрополя—Эрехтейонъ; только здѣсь больше развитъ элементъ декоративности. Красивыя каріатиды поддерживаютъ крышу террасы, мягкіе орнаменты разсыпаны щедрѣе, одна дверь съ наличниками уже превратилась въ осо-

*) Богиня побѣды была, вопреки обычаю, изображена здѣсь безъ крыльевъ, чтобы показать этимъ ея привязанность къ Аѳинамъ.

бое художественное произведеніе. Вообще Эрехтейонъ очень нарядень и многимъ, навѣрное, понравится больше Пароенона.

Кстати о стиляхъ. Представителей третьяго изъ греческихъ ордеровъ, коринѳскаго, въ Аѳинахъ очень немного и всѣ находятся внѣ Акрополя. Это небольшой, но довольно граціозный памятникъ Лисикрата и развалины нѣкогда громаднаго и славнаго храма Зевса (законченъ въ римскомъ періодѣ). Уцѣлѣло только нѣсколько колоннъ изъ ста и онѣ красиво поднимаютъ теперь къ синему небу свои затѣйливыя капители изъ вырѣзныхъ листьевъ аканта; прочія разрушены или, какъ многое въ Аѳинахъ, расхищены, между прочимъ нѣкоторыя, если не ошибаюсь, увезены турками для какой-то мечети. Коринѳская колонна пожалуй красивѣе, наряднѣе, чѣмъ дорическая и іоническая, но, на мой взглядъ, она менѣе прекрасна. Ей не хватаетъ цѣлостности, ея капитель, хорошо вѣнчая колонну, кажется, должна и заканчивать ее собою; архитравъ не лежитъ уже вольно и естественно на ея листкахъ и завиткахъ,

я словно насильно положенъ на нихъ и его хочется снять. Недаромъ римляне часто ставили такія колонны одиноко и безъ всякаго покрытія. Затѣмъ ей недостаетъ простоты, которая всегда сопутствуетъ истинно прекрасному; выходя въ свѣтъ, она думаетъ о своей наружности и желаетъ принарядиться. Конечно, въ своемъ родѣ прекрасна и она; правда и то, что у всякаго свои вкусы. Но я не промѣнялъ бы благородно величавую дорическую и женственно привѣтливую, прекрасную іоническую колонну на ихъ красивую и нѣсколько жеманную сестру.

Но возвращаюсь къ Акрополю.

Пока мы сидѣли и философствовали, солнце быстро склонялось къ закату. Теперь его косые лучи стали розоватыми и придаютъ этотъ оттѣнокъ золотистому мрамору. Свѣтило точно прощается и спѣшитъ приласкать своей послѣдней лаской стройныя колонны. Весь день его лучи обливали горячей волной своихъ старыхъ, золотистыхъ друзей; теперь въ его ласкѣ что-то болѣе мягкое, нѣжное, пожалуй немного грустное: послѣднія брызги свѣта цѣлуютъ послѣдніе обломки

древней красоты, которая когда-то тоже радостно сіяла навстрѣчу этому солнцу, а теперь, погасая, сама подобна лучамъ, догорающимъ при блѣдномъ мерцаніи новыхъ свѣтилъ.

X. Музеи.

Въ странѣ, гдѣ такъ чтилась красота тѣла, естественно должна была получить значительное развитіе скульптура. Какъ извѣстно, греческое ваяніе и достигло въ періодъ своего разцвѣта высокаго и блестящаго совершенства. Произведенія художниковъ не прятались тогда въ музеи, а стояли на виду у всѣхъ, въ храмахъ, на площадяхъ. Они составляли національную гордость, и поколѣніе за поколѣніемъ прибавляло свою лепту въ эту сокровищницу искусства. Въ одной Олимпіи было три тысячи статуй, шедевровъ въ своемъ родѣ. Какая масса красоты! Сколько же музеевъ можно было бы наполнить, сохранивъ и собравъ произведенія искусства всей Эллады!

Къ сожалѣнію, это сдѣлать невозможно. Тысячи лучшихъ памятниковъ эллинскаго духа погибли безвозвратно,

уничтоженныя волнами новыхъ народовъ, заливавшими въ разное время Грецію. Ихъ уже не увидитъ человѣчество, развѣ въ жалкихъ, испорченныхъ обломкахъ, иногда сохранившихъ, а еще чаще, даже не сохранившихъ слѣда былого величія. Однако и то, что уцѣлѣло, достаточно обильно и прекрасно, чтобы составить понятіе о древнегреческомъ искусствѣ. Поэтому недостаточно знакомый съ положеніемъ вещей путешественникъ, пріѣзжая въ Аѳины, въ столицу античной красоты, заранѣе уже воображаетъ себя съ глазу на глазъ съ великими проиведеніями человѣческаго генія...и разочаровывается. Я лично не подвергся этой участи, я зналъ о разгромѣ греческихъ сокровищъ искусства; но то, что я увидѣлъ, нѣсколько превзошло и мои ожиданія. Почти все истинно прекрасное, что выработала древняя Эллада и время пощадило отъ разрушенія, расхищено въ разныя времена и разными народами. Начали еще римляне, продолжили другіе народы и, главнымъ образомъ, англичане. Вотъ почему лучшія, самыя интересныя произведенія древняго генія надо искать

внѣ Греціи—въ Италіи (гдѣ находится множество антиковъ), въ Берлинѣ (Пергамскіе мраморы), въ Лондонѣ (Милосская Венера). Я могу назвать изъ сохранившихся въ предѣлахъ Греціи только одно произведеніе скульптуры, съ полнымъ правомъ заслуживающее эпитетъ *великаго*. Это—Гермесъ, работы Праксителя. Онъ находится въ Олимпіи и хорошо сохранился. Мнѣ, къ моему глубокому сожалѣнію, не удалось его видѣть. Но, судя по великолѣпнымъ фотографіямъ которыя были у меня въ рукахъ, это должно быть одно изъ благороднѣйшихъ созданій греческаго искусства, стоящее на ряду только съ Милосской Венерой; такъ дивно слита въ немъ античная красота формы съ яркой одухотворенностью.

Благодаря такому расхищенію сокровищъ греческаго искусства, наиболѣе интересными отдѣлами аѳинскихъ музеевъ надо считать первобытные—архаическій и микенскій.

Микенскія древности—это памятники древнѣйшей, догреческой культуры, процвѣтавшей въ бассейнѣ Эгейскаго моря приблизительно съ XIV стол. до

Р.Хр. до временъ историческихъ. Названіе свое культура получила отъ города Микенъ, недалеко отъ Аргоса, гдѣ впервые знаменитымъ Шлиманомъ сдѣланы были важныя открытія этого новаго міра. Впослѣдствіи памятники микенскаго періода были находимы въ раскопкахъ Трои, Аргоса, Тиринта, Крита, Итаки и другихъ мѣстъ. Вопросъ о національности носителей этой культуры не разрѣшенъ, да и едва ли будетъ когда-либо разрѣшенъ съ достаточной точностью. Можно только сказать, что народъ этотъ былъ колонизованъ греками-ахеянами и что онъ имѣлъ сношенія съ Востокомъ, такъ какъ слоновая кость и золото, которое мы находимъ среди микенскихъ древностей, не производятся Греціей. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при этомъ условіи микенцы заимствовали и развили нѣкоторые восточные мотивы въ творчествѣ. Искусство ихъ сумѣло достигнуть довольно высокой степени совершенства, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ. Ваяніе грубо, но рѣзныя печати уже изящны и тонки, металлическія издѣлія не лишены красоты и оригинальности. И все живо пе-

реноситъ во времена Гомера. Нельзя пройти молчаніемъ уже того обстоятельства, что находки микенскаго періода пріурочиваются къ тѣмъ самымъ мѣстностямъ, которыя мы находимъ цвѣтущими и славными въ гомеровскихъ поэмахъ и которыя померкли впослѣдствіи передъ лицомъ новыхъ городовъ съ новой культурой. Но самый видъ предметовъ „микенскаго зала" еще болѣе уноситъ васъ въ отдаленное прошлое. Мѣдное оружіе такъ соотвѣтствуетъ описаніямъ „Иліады" и „Одиссеи". Особенно интересны кинжалы, клинки которыхъ инкрустированы золотомъ, серебромъ и эмалью; онъ прекрасно иллюстрируютъ, напр., описаніе щита Ахиллеса (восемнадцатая пѣснь „Иліады", начиная со ст. 478). Золотыя, покрытыя орнаментомъ бляхи и запоны заставляютъ вспомнить, что у того же Гомера Микены названы „златообильными". Словомъ, все говоритъ о томъ времени простоты и полудикаго героизма, когда грубоватыя, но не лишенныя художественности золотыя украшенія не мѣшали царскимъ дочерямъ самимъ стирать бѣлье, когда сравнительное богатство не влекло еще

за собою удобствъ жизни или смягченія нравовъ и когда властители ругались другъ съ другомъ, не стѣсняясь этикетомъ.

Вторженіе дорянъ въ Пелопоннесъ разрушило ахейское процвѣтаніе и почти уничтожило уже успѣвшее развиться первобытное искусство микенскаго періода. Но зато вызванное имъ разселеніе эллиновъ по островамъ Архипелага привело ихъ въ соприкосновеніе съ восточными народами, и восточное искусство снова стало сѣменемъ, изъ котораго выросло могучее и прекрасное растеніе искусства европейскаго. И если аѳинскіе музеи не даютъ богатаго матеріала для изученія уже сложившагося греческаго ваянія, зато въ нихъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, можно шагъ за шагомъ прослѣдить самый процессъ его развитія.

Когда, при нашествіи персовъ, аѳинскій акрополь былъ разрушенъ, его стали обновлять въ лучшемъ, болѣе совершенномъ видѣ; обломки священныхъ статуй и рельефовъ, слишкомъ чтимые для полнаго уничтоженія и слишкомъ испорченные для того, чтобы оставить ихъ на мѣстѣ, были погребены

на акрополійскомъ холмѣ. Тамъ они пролежали до нашего времени, когда раскопки конца восьмидесятыхъ годовъ извлекли ихъ на свѣтъ. Всѣ они собраны теперь въ особомъ музеѣ на Акрополѣ и представляютъ коллекцію громадной исторической цѣнности. Впрочемъ, часть произведеній архаическаго періода находится и въ главномъ музеѣ города, Національномъ.

Прежде всего, наиболѣе древнія вещи сдѣланы не изъ мрамора, а изъ рыхлаго грубаго камня, легко поддающагося обработкѣ, и уже это одно рѣзко отличаетъ ихъ отъ мраморнаго ваянія временъ расцвѣта. Далѣе онѣ раскрашены, и грубо раскрашены; такъ малевать могутъ только люди, у которыхъ пониманіе красоты еще чисто младенческое

Первое, что бросается въ глаза при входѣ въ акрополійскій музей, это большой быкъ, котораго терзаютъ львы; львовъ собственно не сохранилось, уцѣлѣли только ихъ лапы. Этотъ сюжетъ, излюбленный, какъ извѣстно, восточной скульптурой, разработанъ совершенно въ восточномъ стилѣ. Терзаемое животное лежитъ въ хитро при-

думачной позѣ, поджавъ подъ себя обѣ переднія ноги и одну заднюю, такъ что онѣ сходятся копытами, а четвертую ногу протянувъ прямо назадъ; лбомъ быкъ кланяется въ землю. Можно подумать, что его не рвутъ на части свирѣпые звѣри, а просто онъ даетъ представленіе въ циркѣ Никитина, такъ лишено жизни и движенія, ассирійски невозмутимо животное. Детали отдѣлки—рѣзкіе переходы отъ гладкихъ мѣстъ тѣла къ курчавымъ—тоже чисто ассирійскія или персидскія. Весьма жаль, что не сохранились львы: они такъ характерны въ восточной скульптурѣ.

Дальше идетъ рядъ фантастическихъ чудовищъ (опять восточная черта) и на первомъ мѣстѣ трехголовый Тифонъ. Три человѣческихъ тѣла съ синими бородами и пестрыми опередными крыльями заканчиваются позади извитымъ и закрученнымъ пестрымъ хвостомъ змѣи. Переходъ людей въ змѣя не выработанъ въ цѣльный художественный образъ, обѣ половины плохо вяжутся между собою и все созданіе крайне безобразно. Крылья чисто ассирійскаго типа, такъ же какъ и раз-

рѣзъ глазъ. Выработка бородъ мелкими колечками и волосъ слегка волнистыми, плоскими прядями—тоже. Губы толстыя, чувственныя, съ идіотской усмѣшкой и нелѣпо надъ ними прилѣпленными усами.

Затѣмъ борьба безобразнаго Геркулеса съ еще болѣе безобразнымъ Тритономъ, обломки львовъ, змѣй, быковъ, людей... Все одинаково уродливо' все лишено жизни и все раскрашено. И изъ такихъ задатковъ могло развиться греческое искусство!

Подвигаясь дальше по пути исторіи, мы видимъ значительное улучшеніе. Чудовища, порожденныя горячечной фантазіей Востока, стушевываются, уступая мѣсто людямъ. Эти люди стоятъ въ условныхъ позахъ, держа руки по швамъ, но уже видно нѣкоторое знаніе человѣческаго тѣла. Складки одежды разложены съ излишней, невозможной правильностью, но въ нихъ уже видно исканіе новаго, болѣе реальнаго способа для ихъ изображенія. Лица уже не безобразны, а улыбка, бывшая идіотскою, стала загадочною—получувственною, полунасмѣшливою—улыбка сфинксовъ и Леонардо да Винчи. Матеріа-

ломъ служитъ мраморъ.

Еще шагъ впередъ. Явилось пониманіе движеній. Складки стали лежать почти свободно. Загадочная улыбка-маска исчезаетъ, давая мѣсто живому лицу съ его выраженіемъ. Искусство почти освободилось изъ своихъ пеленокъ, почти стало общечеловѣческимъ. Оно только нѣсколько грубо, грубо какъ сами люди того времени. Аѳина Паллада—грубоватая, здоровая, плотная женщина, съ крѣпкими руками и не освѣщеннымъ внутреннимъ содержаніемъ лицомъ. Еще шагъ, еще немного духа, который осмыслилъ бы это тѣло и сдѣлалъ бы его не только здоровымъ животнымъ и сильнымъ борцомъ, но и полнымъ человѣкомъ. Еще шагъ...

Но именно тутъ-то аѳинскіе музеи и перестаютъ давать цѣльное впечатлѣніе. Именно эти-то лучшія времена греческаго искусства и представлены только рядомъ обломковъ и вещей второго и третьяго разборовъ. Нѣсколько недурныхъ произведеній (не болѣе, какъ недурныхъ), рядъ посредственныхъ, а тамъ, прежде чѣмъ вы поспѣли оглядѣться, начинаются уже ма-

нерныя, искусственно утонченныя скульптуры упадка, Поссейдоны въ балетной позѣ, романизированныя физіономіи не особенно высокихъ по качеству бюстовъ.

Заканчиваются коллекціи Національнаго музея отличными терракотами и граціозными расписными греческими вазами. Собраніе этихъ послѣднихъ превосходно; вы можете прослѣдить шагъ за шагомъ, какъ вырабатывались формы, совершенствовался рисунокъ и постепенно подбирались цвѣта этихъ изящныхъ созданій, прежде чѣмъ они стали достигать всего своего совершенства... Но едва ли не самымъ интереснымъ, съ извѣстной точки зрѣнія, является большое собраніе надгробныхъ рельефовъ. Создавались они не лучшими мастерами Эллады, а мало извѣстными и мало замѣчательными скульпторами ремесленниками. Фидій, Пракситель и другіе подобные имъ, конечно, не стали бы работать надгробные памятники для какихъ-то ничѣмъ не славныхъ гражданъ. Поэтому безспорно, насколько въ то время можно провести границу между художникомъ и ремесленникомъ, что авторы

надгробныхъ рельефовъ должны быть причислены именно ко второй категоріи.

Несмотря на это, лучше сказать—именно благодаря этому, такъ интересны ихъ издѣлія. Какой высокой степенью художественнаго развитія обладалъ этотъ народъ, если заурядныя надмогильныя плиты, прикрывавшія тѣла заурядныхъ людей, достигали такого совершенства и обличали такое пониманіе красоты. Пойдите на современное кладбище любого народа и взгляните на обыкновенные, средніе памятники: они лишены творческой фантазіи, безстильны, иногда безобразны, въ самомъ лучшемъ случаѣ только затѣйливы и декоративны; на нихъ не найдете этихъ благородныхъ и проникнутыхъ спокойной грустью фигуръ, слитыхъ воедино общимъ настроеніемъ. Вспомните тогда, что такое пониманіе красоты было достояніемъ если не всего народа, то по крайней мѣрѣ всѣхъ гражданъ, цѣлыхъ городовъ, и вы поймете, какая разница была между нашимъ міромъ и міромъ эллинскимъ.

———

XI. Поѣздка въ Коринѳъ

Игрушечный поѣздъ игрушечной желѣзной дороги (въ Греціи всѣ дороги узкоколейныя), проворно вертя колесами, отходитъ отъ аѳинскаго вокзала. Вокзалъ по аѳинскому масштабу расположенъ далеко отъ центра города и поѣздъ сразу вырывается изъ построекъ на волю. Кругомъ тотчасъ же начинаются сады и почти всѣ они ничѣмъ не огорожены; прямая противоположность нашему Крыму, гдѣ на Южномъ берегу не найдете и пяди земли, не обнесенной каменною стѣнкою. Впрочемъ, это и не сады, а, такъ сказать, оливковыя поля. Всюду, куда ни взглянешь, виднѣется сѣрая, не то серебристая, не то будто запыленная листва маслинъ. Маслины и маслины, то правильными рядами, то группами, то старыя, съ корявымъ согнутымъ стволомъ, то молодыя, недавно подсаженныя. Слѣва тянется невысокая, каменистая гряда, непривѣтливо усыпанная острыми обломками. Она невелика и черезъ

полчаса, не больше, поѣздъ, обогнувъ ее, выходитъ къ Элевзинской бухтѣ. Что за красота! Откуда берется эта удивительная лазурь, такая безмятежно радостная и поразительно чистая, непостижимо сливающая въ себѣ яркость и силу съ нѣжностью. Море ярко, но оно не темнаго цвѣта, не синее, оно именно лазурное, свѣтло и ясно лазурное; оно ярко, но не рѣзко. Блѣдные тоны сѣровато желтой, лишенной зелени почвы, пыльныхъ маслинъ, горъ, задернутыхъ густою дымкою, и поблѣднѣвшаго отъ зноя неба, съ удивительной красотою выдѣляютъ голубую скатерть воды; и та же южная дымка смягчаетъ цвѣтъ самаго моря, придавая ему эту привлекательную нѣжность тоновъ и не будучи въ силахъ отнять у него его яркость. Эта дымка вообще кажется самая характерная особенность греческаго пейзажа. У насъ на югѣ, въ Крыму, она слегка задергиваетъ дали, здѣсь она гуще и подчасъ такъ закрываетъ отдаленныя горы, что глазъ колеблется и не сразу уловляетъ ихъ неясные контуры.

Первая станція отъ Аѳинъ—Элевзисъ, тотъ самый Элевзисъ, въ кото-

ромъ когда-то свершались знаменитыя таинства, гдѣ дважды въ годъ, весной и осенью, шли процессіи посвященныхъ, величая давшую людямъ хлѣбное зерно Деметру и ея воскресающую ежегодно съ первыми зелеными всходами дочь Персефону. Помните у Шиллера, въ „Жалобѣ Цереры“:

И когда съ небесъ слетаетъ
Вслѣдъ за бурями весна,
Въ мертвомъ снова жизнь играетъ,
Солнце грѣетъ сѣмена.
И умершіе для взора,
Внявъ они весны привѣтъ,
Изъ подземнаго затвора
Рвутся радостно на свѣтъ.
Листъ выходитъ въ область неба,
Корень ищетъ тьмы ночной;
Листъ живетъ лучами Феба,
Корень Стиксовой струей.
Ими таинственно слиты
Область тьмы съ страною дня
И приходятъ отъ Коцита
Съ ними вѣсти для меня.
И ко мнѣ въ живомъ дыханьи
Молодыхъ цвѣтовъ весны
Подымается призванье,
Гласъ родной изъ глубины;
Онъ разлуку услаждаетъ,
Онъ душѣ моей твердитъ,
Что любовь не умираетъ
И въ отшедшихъ за Коцитъ.

Дальше слѣдуетъ Мегара, которая когда-то такъ огорчала аѳинянъ сначала распрею изъ-за Саламина, а потомъ союзомъ со спартанцами во время пелопоннесскихъ войнъ. Преданіе гласитъ, что когда всѣ стремленія возвратить Саламинъ, захваченный мегарянами, оказались неудачными, аѳиняне закономъ опредѣлили смертную казнь тому, кто будетъ возбуждать народъ къ новой попыткѣ. Тогда Солонъ прочелъ на площади свое стихотвореніе о Саламинѣ, которое такъ воодушевило юношество, что строгій законъ былъ отмѣненъ, походъ предпринятъ, Саламинъ отвоеванъ, а самъ Солонъ избранъ архонтомъ. Вотъ какъ дѣлали тогда карьеру!

Удивительныя станціи у греческихъ дорогъ: Элевзисъ, Мегара, Коринѳъ, Аргосъ, Микены, Олимпія, Ѳивы... Словно путешествуешь по какому-то раскрытому учебнику исторіи; только онъ съ картинками, и съ какими чудными картинками!

Въ Элевзисѣ есть очень маленькій музей и неинтересныя теперь развалины; его можно пропустить. Ѣдемъ дальше; дорога становится особенно крас-

вой. Поѣздъ идетъ по склону, близъ самаго берега. Онъ то врывается въ глубокія выемки, и по обѣ стороны вагоновъ мелькаетъ только голый, блѣдножелтый камень стѣны, то вылетаетъ на волю, и тогда еще плѣнительнѣе кажется живая синева моря. Оно разстилается подъ ногами безмятежное, гладкое какъ озеро, зеленовато прозрачное у берега, переходящее рядомъ оттѣнковъ въ свой настоящій цвѣтъ дальше. Оно не безбрежно, напротивъ очень ограничено рядомъ горъ и холмовъ и это именно придаетъ виду оригинальность. Саламинъ, Эгина, берегъ Аттики, по ту сторону Эгинскаго залива, берега Пелопоннеса, все это сливается въ сплошную кайму, такъ что не разберешь, гдѣ берегъ, гдѣ островъ, и, кажется, ѣдешь все вдоль озера. По мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь, отдѣльныя точки пейзажа перемѣщаются относительно другъ друга; и въ то же время это какъ будто все одинъ пейзажъ, все тотъ же Саламинъ и Эгина и тотъ же контуръ горъ. Горы замыкаютъ горизонтъ и съ другой стороны, справа, эти горы—большею частью не высокія, и въ краскахъ и въ кон-

турахъ смягченные свѣтлой мглою—тоже характерная черта всѣхъ здѣшнихъ видовъ. Горы справа, слѣва, спереди, сзади, иногда горы за горами и всѣ мягкія, округлыя, очерченныя плавными волнистыми линіями, почти не несущія острыхъ угловъ.

Между тѣмъ поѣздъ идетъ все дальше. Вскорѣ за Элевзисомъ исчезли оливы. Яснѣе становятся возвышенности Пелопонеса; тѣ, позади, что недавно еще были видны ясно, теперь показываютъ лишь свои туманные силуэты. Сидящій противъ меня мужественный грекъ съ чернымъ, суровымъ, напоминающимъ былыхъ борцовъ за греческую независимость, лицомъ, и въ бѣлой юбочкѣ, показываетъ что-то впереди. Я долго всматриваюсь и наконецъ догадываюсь, что это невысокое, слегка покатое мѣсто должно быть Коринѳскимъ перешейкомъ. Лѣвѣе впереди, въ просвѣтѣ горъ виднѣется особнякомъ, сдавленный съ боковъ куполъ Акрокоринѳа. Направо, тоже впереди, рѣетъ надъ линіей ближнихъ горъ массивная вершина Парнаса, сохранившая еще, несмотря на послѣднія числа мая, нѣсколько яркихъ снѣжныхъ пя-

тенъ. Она, навѣрное, ребриста и изрѣзана ущельями, эта каменная масса; во впадинахъ-то и сохранился снѣгъ. Но, какъ и все здѣсь, ея контуры смягчены далью, утратили свою острую рельефность и, кажется, что эти бѣлыя пятнышки тонкимъ налетомъ сѣли на ровной матовой поверхности горы.

Вотъ перешеекъ обозначился яснѣе. Можно различить даже въ видѣ узкой щели входъ въ каналъ, а передъ нимъ молъ; Истмію, нѣкогда славный и зажиточный городъ, теперь жалкую кучку домиковъ. Затѣмъ поѣздъ оставляетъ берегъ моря и, дѣлая дугу, входитъ на перешеекъ.

Коринѳскій каналъ соединяетъ собою моря Іоническое и Эгейское, собственно ихъ заливы Коринѳскій и Эгинскій, и сокращаетъ путь для судовъ, обходящихъ Грецію верстъ на триста. Мысль прорыть этотъ узкій и плоскій перешеекъ зародилась еще въ древности, но осуществлена только въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ нашего столѣтія. Коринѳскій каналъ, сдѣлавшій Пелопоннесъ изъ полуострова островомъ, дѣтище самаго новаго времени. Онъ не отличается размѣрами — ширина его

всего десять саженъ, длина менѣе шести верстъ. Когда поѣздъ переходитъ его по небольшому мостику, вправо и влѣво открываются узкая, прямая какъ по линейкѣ яркая полоска воды въ высокихъ каменныхъ стѣнкахъ и оба моря, въ которые онъ выходитъ. Въ серединѣ глубина выемки въ два или три раза превосходитъ ширину ея и это придаетъ каналу сходство съ большою канавою; только по дну ея протянулась чудесная голубая лента воды и ползетъ маленькій, точно игрушечный пароходикъ. За каналомъ недалеко и новый Коринѳъ, небольшой городокъ, меньше нашего Лаишева, но довольно чистенькій. Онъ стоитъ при самомъ морѣ и удаленъ отъ древняго города на нѣсколько верстъ. Прежде, когда жизнь была менѣе обезпечена отъ всякихъ случайностей, старались строиться поближе къ такимъ мѣстамъ, гдѣ можно укрыться въ случаѣ опасности. Какъ Аѳины раскинулись вдали отъ моря у подножія Акрополя, такъ и древній Коринѳъ пріютился около высокаго Акрокоринѳа, а для сношенія съ остальнымъ міромъ имѣлъ гавани на обоихъ моряхъ. Его поло-

женіе нѣкогда давало ему независимость и величіе, теперь на мѣстѣ древняго города лишь жалкая деревенька, жители которой, помимо обычныхъ заработковъ, промышляютъ еще отдачею въ наемъ верховыхъ лошадей иословъ туристамъ и продажею имъ же поддѣльныхъ антиковъ.

Достопримѣчательностей, къ которымъ присосались мѣстные обыватели, двѣ, если не считать какихъ то мало интересныхъ раскопокъ: Акрокориноъ (лучше сказать—видъ съ него) и развалины храма.

Акрокориноъ довольно высокая и очень крутая гора, стерегущая входъ на перешеекъ. Съ нея какъ на ладони видно большой кусокъ полуострова и два берега, и нѣтъ ни его удивительнаго, что приходившіе сюда стремились завладѣть этимъ мѣстомъ. Македоняне, римляне республика, Цезарь, турки, венеціанцы и снова турки укрѣплялись на этой горѣ, грозили перешейку, возводили свои постройки, ломали прежнія и насорили невѣроятно. Теперь на горѣ нѣтъ крѣпости, однѣ развалины. Зубчатыя стѣны сравнительно недавней

постройки тройнымъ рядомъ окружавшія вершину, и теперь еще грозно глядятъ на равнину и море и, можетъ быть, я ничего не понимаю въ военномъ дѣлѣ, но мнѣ не представляется возможнымъ, чтобы такую твердыню, если она какъ слѣдуетъ укрѣплена, можно было взять.

Видъ съ вершины очень живописенъ. На югъ тянется красивая долина съ линіей желѣзнодорожнаго пути и видомъ на Аргосъ и Микены. Западнѣе поднимаются высокія горы Аркадіи. На востокѣ виднѣются неизбѣжные Саламинъ, Эгина и темный Гиметъ, что-то чуть мерцаетъ въ свѣтлой дымкѣ: „Аѳины“,—говоритъ проводникъ. Коринѳскій заливъ будто замкнутъ горами, среди которыхъ красиво выдѣляется высотою и мощнымъ очертаніемъ Парнасъ. Опять горы, всюду горы, большею частію не высокія, не угловатыя, но мягкія, красиво переходящія другъ въ друга. Солнце близко уже къ закату. Все стихло; только снизу доносится неблагозвучный ослиный ревъ —и-а, и-а!—да иногда камни шуршатъ и перекатываются подъ ногою. Дали потеряли обычную поволоку, которою

прикрываютъ ихъ зной, воздухъ сталъ чище. Море уже не синее; оно зеркальное и потеряло свои краски такъ же, какъ небо; и небо и море ждутъ теперь иныхъ, которыми ненадолго разцвѣтитъ ихъ заходящее солнце.

Храмъ въ Коринѳѣ красивъ и оригиналенъ. Точно неизвѣстно, какому божеству онъ былъ посвященъ; въ послѣднее время кажется склоняются къ мысли, что Аѳинѣ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что онъ представляетъ собою одинъ изъ древнѣйшихъ образцовъ дорическаго стиля. Онъ построенъ изъ грубаго рыхлаго известняка и уже самый выборъ этого матеріала придаетъ ему особый тяжеловатый, нѣсколько архаическій стиль. Это впечатлѣніе еще усиливается нѣсколько тяжело пропорціей приземистыхъ колоннъ и грузностью перекры-вающихъ ихъ плитъ архитравъ. Колонны не поднимаютя такъ стройно и величаво, какъ напр. въ Парѳенонѣ; они всей тяжелой основательностью своей держатся за землю. Въ этомъ есть нѣчто египетское и глядя на эти массивные столбы начинаешь въ конкретныхъ образахъ представлять себѣ то, что

когда-то слышалъ и читалъ: о происхожденіи гордой дорической колонны изъ подавляющей массивности камнеизсѣченныхъ столбовъ Египта. Здѣсь происходитъ нѣчто подобное тому, что чувствуешь въ музеѣ Акрополя; только тамъ дается вамъ масса матеріала, цѣлый рядъ переходовъ; тамъ вы прослѣдите развитіе скульптуры звено за звеномъ въ разныхъ ступеняхъ; здѣсь передъ вами только одно звено, тѣмъ не менѣе столько краснорѣчивое въ своемъ каменномъ безмолвіи. Архаическая нота явно звучитъ въ немъ, но это не мѣшаетъ всему созданію быть въ своемъ родѣ прекраснымъ, и когда мы, послѣ экскурсіи на гору, подъѣзжаемъ къ развалинамъ храма, они дивно красиво вырѣзываются на багряномъ пламени заката. Строго прекраснымъ линіямъ Пароенона нужно мягкое лазурное небо, или легкій багрянецъ замирающей зари, чтобы проявить всю свою красоту. Храмъ Коринѳа требуетъ болѣе рѣзкаго тона и я не знаю, кто могъ бы придумать для этихъ массивныхъ колоннъ лучшую обстановку, чѣмъ та которой они обладали въ эту минуту...

На другой день, утромъ, взглянувъ

въ окно, я ахнулъ. Іоническое море стояло передо мною во всей своей красотѣ, синее, темное. Это не лазурь Архипелага, которая имѣетъ свѣтлый, голубоватый тонъ. Это и не синева Чернаго моря, которое никогда не бываетъ такъ ярко, а когда темнѣетъ, становится почти стальнымъ; недаромъ оно зовется Чернымъ. То было темно синее, какъ густой растворъ индиго и до пронзительности чистое по тону водное пространство. Та празелень, которая всегда лежитъ близъ береговъ, здѣсь не голубоватая, блѣдная, а темная, густо зеленая. Вдали отъ набѣжавшей тучки движется еще болѣе темная переходящая въ фіолетовый цвѣтъ тѣнь. А у самаго берега прозрачная какъ самый воздухъ вода тихо плещется на конрѣ разноцвѣтной яркой гальки. Такъ рѣзко, непривычно прекрасна эта синева, что глазъ долго недовѣрчиво и удивленно оглядываетъ ее, прежде чѣмъ отдаться ея ласкѣ и только когда приходитъ время уѣзжать, путникъ чувствуетъ себя способнымъ глубоко и спокойно любоваться. Но тогда ужъ поздно: трубитъ кондукторъ, паровозъ свиститъ и полный пассажи-

ровъ и духоты поѣздъ ползетъ опять къ берегу другого, не такого необычайнаго, но не менѣе прекраснаго лазурнаго моря, къ горячимъ бѣлымъ Аѳинамъ.

XII. Суніонъ.

Сначала идутъ тѣ же маслины, но не надолго. Дальше начинаются виноградники. Виноградъ растетъ здѣсь не такъ какъ въ Крыму: онъ не привязывается къ кольямъ и свободно раскидываетъ свои вѣтви. Свѣжіе зеленые кусты изрѣзываютъ правильными рядами желтый грунтъ и только изрѣдка прерываются купами деревьевъ. Изгородей нѣтъ; все поле раздѣлено на у астки и загоны, большая часть ихъ подъ виноградникомъ, меньшая подъ пшеницей. Чѣмъ дальше отъ Аѳинъ, тѣмъ больше послѣдней и тѣмъ меньше первыхъ. Станціи часты, маленькія, грязныя, заброшенныя... Вотъ слѣва хорошенькая рощица молодыхъ пиній льетъ смолистый ароматъ въ знойный воздухъ. Дальше опять поля, пшеница. Какъ то роднѣе становится среди этихъ полосокъ желтой пшеницы, чѣмъ среди пыльныхъ оливъ. Несмотря на то, что еще 27 мая, пшеницу убираютъ. Вотъ два грека—одинъ въ сѣрой парѣ, другой въ синихъ шароварахъ и

заправленной въ нихъ рубашкѣ—низко наклонясь жнутъ хлѣбъ, а сѣрый осликъ терпѣливо ждетъ, чтобы его навьючили снопами. Вотъ еще такая же картина. А вотъ нѣсколько ословъ везутъ пшеницу. Они совсѣмъ увѣшаны громадными золотыми снопами и только спереди уморительно выглядываетъ сѣрая голова и долгія уши.

Дорога проходитъ, оставляя слѣва вдали темный Пенteликонъ съ обнаженнымъ бѣломраморнымъ бокомъ, справа сѣрый Гиметъ. Только отсюда онъ не такой голый, какъ со стороны города, а склонъ его одѣтъ лѣсомъ. Тутъ то должно быть и водятся гиметскія пчелы, догадываемся мы. В юду горы и холмы; по мѣрѣ того, какъ огибаешь одинъ, выплываетъ взамѣнъ новый и такъ безъ конца, точно это застыли мягкія волны плавно волновавшагося каменнаго моря.

Въ концѣ желѣзнодорожной линіи лавріонскій горнопромышленный районъ. Вѣтви желѣзной дороги нарѣзали всю окрестность; канавы мутной воды, насыпи угольныхъ выгарокъ и копоть трубъ такъ странно видѣть въ Элладѣ. Точно вдругъ перенесся въ какой-

нибудь уголокъ Бельгіи. Впрочемъ,- здѣсь еще древніе добывали серебро. Теперь тутъ орудуютъ какія то акціонерныя компаніи по добычѣ свинца. Черные, какъ сама сажа, рабочіе таскаютъ что то въ тачкахъ. По воздуху двигаются передвигаемыя по канату корзины. Поселокъ рабочаго вида грязный и довольно бойкій раскинулся тутъ же, сообразуя свою жизнь съ заводскими свистками, и надъ всѣмъ этимъ высятся громадныя кирпичныя трубы, эти колонны нашего практическаго вѣка.

А въ пяти, шести верстахъ стоятъ настоящія колонны, древнія, дорическія, мраморныя. Это развалины храма Аѳины. На самомъ мысу высоко надъ водою было воздвигнуто святилище, окруженное почти со всѣхъ сторонъ радостной лазурью Эгейскаго моря, и когда древній аѳинянинъ послѣ долгихъ скитаній по непріютному и полному опасностей морю подходилъ къ мысу на своемъ „чернобокомъ" кораблѣ, привѣтливо встрѣчали его на берегу благородныя колонны и сильнѣе билось его сердце въ виду родной красоты и родныхъ боговъ. Да, греки

умѣли выбирать мѣста для храмовъ; тайна ихъ искусства заключается въ томъ, что они сливали свои созданія въ единое цѣлое съ природою. Эти храмы, этотъ проникнутый солнцемъ мраморъ колоннъ, эти просвѣты колоннады, точно нарочно придуманы для свѣтлой синевы и южнаго солнца. Они требуютъ для себя греческой природы; но кажется и сама природа требуетъ ихъ здѣсь въ свою очередь. Въ этомъ —гармонія, какой не достигало уже послѣ никакое зодчество.

Мнѣ пришлось потомъ еще разъ увидѣть храмъ на Суніи, но уже съ моря. съ палубы парохода. Солнце садилось, осыпавъ горизонтъ матовой золотистою пылью, которая выше переходила въ хрустальную ясность вечера. И на этомъ дивномъ фонѣ, достойномъ принять на себя лучшія творенія человѣка, красиво вырѣзались уцѣлѣвшіе одиннадцать колоннъ храма Паллады, благородныя, какъ пальмы, нѣжныя, какъ кружево и дѣвственно чистыя, какъ и должно быть въ храмѣ богини дѣвственницы. И это было послѣднее, что мнѣ пришлось видѣть въ Элладѣ, такъ какъ пароходъ уже увозилъ меня

къ грязному Константинополю, и къ родному сѣверу, гдѣ нѣтъ ни южнаго неба, ни мраморныхъ колоннъ, но куда я везу съсобою воспоминанія и о небѣ, и о колоннахъ, и о всей красотѣ, которая нѣкогда родилась въ Элладѣ и будетъ жить до скончанія вѣковъ.

ОПЕЧАТКА.

На стр. 91 имѣется пропускъ въ строкѣ 3 сверху; слѣдуетъ читать: „въ Лондонѣ (фризы Парѳенона), въ Луврѣ (Милосская Венера)“.

